

ВЕСТНИК

Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2022
2(32)

ISSN 2587-9472

Эн № ФС77-77599

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-77599

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 2 (32)' 2022

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор:

Бабурин С.Н.,

д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте

Заместитель главного редактора:

Алешукина С.А.,

*канд. юрид. наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности
Тверского государственного университета*

Редакционный совет:

Председатель – Семенов А.В., *д-р экон. наук, проф., ректор Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Бабурин С.Н., *д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Букалерева Л.А., *д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Землин А.И., *д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой транспортного права и административного права Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II;*

Сауляк О.П., *д-р юрид. наук, проф., председатель московской коллегии адвокатов «Юристы-профессионалы»;*

Чеха В.В., *д-р юрид. наук, руководитель представительства Россотрудничества в Республике Абхазия.*

**Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.
Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.**

Системные требования: PC не ниже класса Pentium III; 256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows 98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X и выше; мышь.

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2022

**СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ
ПУБЛИЧНОГО ПРАВА**

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЭВОЛЮЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В РОССИИ5
Ильин Александр Борисович, Юрчук Василий Степанович

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА:
ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВЕТСКОГО СОЮЗА
И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ13
Пахров Анатолий Александрович

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАЧЕСТВА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ
ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПРИМЕРЕ РЕФОРМ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ (ОПЫТ КАНАДЫ)19
Слабоспицкий Анатолий Сергеевич, Слабоспицкая Анастасия Сергеевна

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

О ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ
О СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ26
Голышев Вадим Григорьевич, Голышева Антонина Владимировна

**АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА,
УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ**

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА
И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА30
Бадалянци Элеонора Юрьевна, Мальцева Светлана Николаевна

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЦА,
С КОТОРЫМ ЗАКЛЮЧЕНО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ37
Гусева Наталья Николаевна

О РЕГУЛЯТИВНЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ
И ИХ ЭЛЕМЕНТАХ41
Епифанов Олег Станиславович

РАССМОТРЕНИЕ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ,
ВОЗБУЖДЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ:
ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ47
Журавлев Валентин Михайлович, Разоренова Виктория Романовна

CONTENTS

CONTENT, PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC LAW

ON SOME ASPECTS OF THE EVOLUTION OF THE ELECTORAL LAW IN RUSSIA	5
<i>Ilyin A.B., Yurchuk V.S.</i>	
TRANSFORMATION OF DOMESTIC CONSTITUTIONAL LAW: THE POLITICAL SYSTEM OF THE SOVIET UNION AND THE RUSSIAN FEDERATION	13
<i>Pakhrov A.A.</i>	
RETHINKING THE DEFINITION OF ENVIRONMENTAL QUALITY AFTER THE COVID-19 PANDEMIC ON THE EXAMPLE OF REFORMS IN LEGISLATION (EXPERIENCE OF CANADA).....	19
<i>Slabospitsky A.S., Slabospitskaya A.S.</i>	

RELEVANT ISSUES OF PRIVATE LAW

ON THE ISSUE OF THE PRACTICE OF APPLYING THE REGULATIONS OF THE RF CIVIL CODE ON THE ESSENTIAL TERMS OF THE SALE AGREEMENT	26
<i>Golyshev V.G., Golysheva A.V.</i>	

RELEVANT ASPECTS OF CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINALISTICS

ACTIVE REPENTANCE: LEGAL NATURE AND CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS	30
<i>Badalyants E.Yu., Maltseva S.N.</i>	
SOME FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF A PERSON IN RESPECT OF WHOM A PRE-TRIAL AGREEMENT ON COOPERATION IS CONCLUDED	37
<i>Guseva N.N.</i>	
ON REGULATORY CRIMINAL-AND-LEGAL RELATIONS AND ITS ELEMENTS	41
<i>Yepifanov O.S.</i>	
JUDICIAL REVIEW OF CRIMINAL CASES INITIATED AGAINST MINORS: TRENDS, PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM	47
<i>Zhuravlev V.M., Razorenova V.R.</i>	

УДК 342.8

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ЭВОЛЮЦИИ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В РОССИИ

Ильин Александр Борисович¹,
e-mail: ilyin-ab@yandex.ru,

Юрчук Василий Степанович¹,
канд. юрид. наук,
e-mail: v.jurchuk@muiv.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Рассматривается эволюция избирательного права в современной России по двум основным направлениям: развитие избирательного права в части обеспечения равных возможностей избирать и быть избранным; развитие избирательного права в части независимого наблюдения за ходом подготовки и проведения выборов. Приводится краткий обзор избирательной системы советского государства в сфере возможности граждан реализовать свое активное и пассивное избирательное право. Исследуются международные нормативно-правовые акты, а также национальное законодательство, регулирующие избирательное право в стране. Отмечается, что в сфере независимого наблюдения за ходом выборов произошло обновление подхода к этому институту избирательного права, а также дается правовое определение термина «наблюдатель», очерчивается круг его обязанностей и прав. Подчеркивается, что вместе с законодательством о выборах преобразовались административное и уголовное право, введены новые составы правонарушений. Делается вывод о наличии в эволюции избирательной системы России трех основных этапов, в рамках которых формировались равные возможности избирать, а также создавались оценки выборов, независимых от политических предпочтений.
Ключевые слова: избирательное право, избирательная система, гарантия избирательных прав, наблюдение за ходом выборов, избирательная процедура

ON SOME ASPECTS OF THE EVOLUTION OF THE ELECTORAL LAW IN RUSSIA

Ilyin A.B.¹,
e-mail: ilyin-ab@yandex.ru,

Yurchuk V.S.¹,
Candidate of Legal Sciences,
e-mail: v.jurchuk@muiv.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The article describes the evolution of the electoral law in modern Russia in two main directions: the development of electoral law in terms of ensuring equal opportunities to vote and be elected; the development of electoral law in terms of independent observation of the preparation and conduct of elections. A brief review of the electoral system of the Soviet state in the sphere of the ability of citizens to exercise their active and passive suffrage is given. A number of international normative legal acts, as well as national legislation regulating the right to vote in the country are considered. It is noted that the approach to this institution of electoral law has been updated in the field of independent election monitoring. This is how the legal definition of the term “observer” is given, the scope of his duties and rights is outlined. It is noted that along with the election law, administrative and criminal law were transformed, new types of offenses were introduced. It is concluded that there are three main stages in the evolution of the Russian electoral system, within the framework of which equal opportunities to vote were formed, as well as the creation of election assessments independent of political preferences.

Keywords: electoral law, electoral system, guarantee of electoral rights, election observations, electoral procedure

DOI 10.21777/2587-9472-2022-2-5-12

Складывающиеся условия эволюции права в России обусловлены глобальными геополитическими процессами. В настоящее время, несмотря на конкретно имеющий место приоритет вопросов военно-политической безопасности, экономического благополучия граждан, социального спокойствия в стране, тема предстоящего в 2023–2024 гг. выборного формирования органов власти представляется не менее актуальной, хотя и не в такой степени «разогретой», как перечисленные аспекты сегодняшней жизни России. Тем не менее, опыт предыдущих 30 лет показывает, что в текущем избирательном цикле, включающем выборы органов власти и местного самоуправления в регионах, а затем и выборы президента РФ, потребность общества и власти в легитимных результатах голосования только возрастет.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что легитимность избираемых органов власти, обеспечивающая признание обществом их права управлять процессами и отношениями в стране, предполагает наличие ряда предпосылок, к числу которых можно отнести демократичность правовых процедур избрания, их легальность и транспарентность, сведение к минимальному значению показателей абсентеизма. При этом, полагаем, инструментами права наиболее явно регулируется избирательная система России именно в части ее демократичности, законности и доступности для наблюдения и верификации результатов выборов. Что же касается степени активности избирателей, то представляется, что в его регулировании право уступает первенство социологическим и социальным методам управления.

Раскрывая тему эволюции избирательного права в России в рамках данной статьи, ограничимся рассмотрением двух аспектов: развитие избирательного права в части обеспечения равных возможностей избирать и быть избранными; развитие избирательного права в части независимого наблюдения за ходом подготовки и проведения выборов.

Этапы перехода к избирательной системе Российской Федерации, ее становления и развития неотделимы от формирования государственности России. Хронология юридически значимых фактов и событий в системе координат относительно избирательной системы России весьма насыщена не только на этапе, предвещающем ее оформление в виде норм права, но и на последующих этапах ее функционирования.

В период с 12 июня 1990 г. до 12 декабря 1993 г. была принята Декларация о государственном суверенитете РСФСР, проведен общесоюзный и республиканский референдумы, избраны первый президент РСФСР, главы большинства регионов и депутаты первого созыва Государственной Думы, принято решение о конституционной реформе, установлены правила формирования Совета Федерации и Правительства России, принята Конституция РФ и оформилось новое государство – Российская Федерация¹. Безусловно, простое перечисление происходивших в тот период событий не дает исчерпывающего представления об отношениях, в том числе правовых, между обществом и властью, внутри власти или внутри общества.

Относительно выборных процедур действовавшей тогда избирательной системы обращает на себя внимание следование сложившимся в предыдущие 56 лет традициям, конечно, с существенной поправкой на отсутствие руководящей и направляющей роли Коммунистической партии Советского Союза и участие в избирательном процессе значительного количества политических партий, образованных в соответствии с начатыми реформами². Так же, как и в предшествовавшие годы, избирательные процедуры были призваны обеспечивать равные возможности гражданам реализовать свое активное избирательное право, формировать избирательные округа и избирательные участки, осуществлять тайное голосование. При этом все ранее действовавшие ограничения, существовавшие в отношении пассивного и активного избирательного права граждан в смежных отраслях – уголовном или административном, включая вопросы принудительного признания гражданина недееспособным, были исключены из правоприменения.

Внимание, уделенное в ходе правотворчества институту наблюдения за выборами, оказалось минимальным. Независимое от интересов политических субъектов наблюдение отсутствовало полно-

¹ Об изменении наименования государства Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика: Закон РСФСР: [от 25 декабря 1993 г. № 2094-1] // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – № 2. – 9 января. – Ст. 62.

² Об общественных объединениях: Закон СССР: [от 9 октября 1990 г. № 1708-1] // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета СССР. – 1990. – № 42. – 17 октября. – Ст. 839.

стью. Право участвовать и наблюдать за ходом голосования, работой избирательных комиссий было дано только представителям кандидатов и избирательных объединений. При этом полностью отсутствовало правовое регулирование прав и обязанностей наблюдателей (за исключением их права «присутствовать до окончания подсчета голосов в участковой избирательной комиссии»).

Такое положение стало эволюционным следствием признания избирательной системой СССР норм международного права, выработанных к середине XX в. теорией и практикой формирования органов государства: «Воля народа должна быть основой власти правительства: эта воля должна находить свое выражение в периодических и нефальсифицированных выборах, которые должны проводиться при всеобщем и равном избирательном праве, путем тайного голосования или же посредством других равнозначных форм, обеспечивающих свободу голосования»³; «Каждый гражданин должен иметь без какой бы то ни было дискриминации, упоминаемой в ст. 2, и без необоснованных ограничений право и возможность: а) принимать участие в ведении государственных дел как непосредственно, так и через посредство свободно выбранных представителей; б) голосовать и быть избранным на подлинных периодических выборах, производимых на основе всеобщего равного избирательного права при тайном голосовании и обеспечивающих свободное волеизъявление избирателей; с) допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе»⁴.

Иными словами, собственно переход в обществе от избирательной системы СССР к избирательной системе России происходил без разрушения сложившихся правовых устоев, чего, конечно, нельзя сказать о новой российской системе государственного управления или хозяйствования.

С принятием 12 декабря 1993 г. на всенародном голосовании Конституции Российской Федерации началось становление избирательной системы России. Последовавший затем длительный период был насыщен активной законотворческой деятельностью, изданием ведомственных нормативных актов, региональным нормотворчеством. В явной форме в это время проступил элемент новизны избирательного права России. Вплоть до 1991 г. было принято считать, что «предмет избирательного права определялся как совокупность социалистических избирательных отношений, посредством которых формируются органы государственной власти, а, следовательно, основной целью нормативно-правового регулирования избирательных отношений выступало достижение политико-правового результата – формирования органов государственной власти»⁵. Напротив, Конституция РФ установила, а законодатель реализовал в праве другой подход, сделав упор на обеспечение избирательных прав гражданина.

Немаловажную роль в становлении избирательной системы России на этом этапе сыграли политически компромиссные подходы к вопросам федерализма. Удержание властных полномочий в условиях открытой и, нередко, обостренной дискуссии о путях развития России, борьбы за властный ресурс требовало от регионов расширения лояльности центральной власти. Для достижения этой лояльности был использован тезис о широкой самостоятельности субъектов Российской Федерации, что, свою очередь, ожидаемо привело к противоречиям регионального и федерального законодательства, асимметрии федеративных отношений, затрагивающим все сферы правоотношений.

Однако в избирательной системе и федеральный, и региональный компоненты неукоснительно следовали конституционным уложениям. Некоторые исследователи отмечают: «По сведениям Министерства юстиции Российской Федерации, из проверенных в 1995–1998 гг. 16 тыс. законов субъектов Федерации около трети противоречили федеральному законодательству. В 2000 г. прокурорами было выявлено более 15 тыс. подобных законов и иных нормативных правовых актов» [1, с. 99]. При этом в числе выявленных и отмененных впоследствии актов регионального законотворчества практически не содержится законов, норм, противоречащих конституционным устоям избирательного права.

На данном этапе развития избирательной системы возник и получил развитие другой аспект избирательных правоотношений. Региональное законодательство, не вступая в противоречие с феде-

³ Часть 3 ст. 21 Всеобщей декларации прав человека: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.] // Российская газета. – 1995. – № 67. – 5 апреля.

⁴ Статья 25 Международного пакта о гражданских и политических правах: [принят 16 декабря 1966 г. резолюцией 2200А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН, ратифицирован Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII] // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1976. – № 17. – 8 апреля. – Ст. 291.

⁵ Советское конституционное право / под ред. С.И. Русиновой, В.А. Рянжина. – Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1975. – С. 145–146.

ральным, таким образом использовало свободу законотворчества, предоставленную государством, что результатом стала не просто фрагментация, а по своей сути дробление избирательного права, когда каждое региональное сообщество элит, следуя своим прагматическим интересам, определяло границы избирательных округов, даты голосования, совмещение уровней выборов, правила агитации и прочие организационные элементы избирательной кампании.

Тем не менее, задача, ради решения которой регионам были предоставлены такие широкие свободы, успешно решалась на протяжении почти 10 лет, хотя и в ущерб общему самочувствию страны, что закончилось дефолтом 1998 г., хотя и с сохранением властных полномочий за легально избранными представителями народа во власти.

Краткий, в рамках данного исследования, обзор принятых нормативных правовых актов этого периода свидетельствует об активном формировании основ правовой базы избирательной системы России. Центральная избирательная комиссия стала постоянно действующим государственным органом, возглавляющим систему избирательных комиссий России. Создается единая система учета выборов. Конечно же, приняты основные правила подготовки, проведения и определения результатов выборов, которые сохраняли в значительном объеме самостоятельность региональных законодателей.

Первый из череды федеральных законов, устанавливающий принципы и правила выборов, – Федеральный закон Российской Федерации от 6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан РФ» (далее – закон о гарантиях избирательных прав граждан, закон о выборах), который воспроизводил основной принцип всеобщего, равного, прямого избирательного права. Региональным законодателям было предоставлено право самостоятельно устанавливать границы избирательных участков, полномочия и порядок деятельности избирательных комиссий субъектов РФ, формировать их персональный состав.

Именно указанные обстоятельства сыграли свою немалую роль в ходе выборов Государственной Думы Федерального Собрания РФ второго созыва, проводившихся 17 декабря 1995 г. Получившая доминирующее положение Коммунистическая партия РФ, набравшая 31,38 % голосов, уже через неполные полгода своей работы провела через голосование и принятие акт о воссоздании единого государства на территории СНГ. Новый виток противостояния исполнительной и представительной власти подтолкнул и законотворческий процесс к эволюции избирательного права.

В течение пяти месяцев после выборов президента РФ в закон о гарантиях избирательных прав были внесены изменения, коренным образом меняющие полномочия, порядок формирования и деятельности избирательных комиссий, – у федерального законодателя появилось право вводить временные нормы, изымая это право у региональной власти. Относительно независимого наблюдения произошло обновление подхода – общественные объединения получили право направлять своих представителей в день голосования на избирательные участки.

Как и на предыдущем этапе, статусу наблюдателя, его правам и обязанностям не нашлось места в правовом регулировании, хотя и устанавливалась ответственность наблюдателя за нарушение тайны голосования или попытки оказывать влияние на волеизъявление избирателя – удаление из помещения для голосования.

Приведенное обстоятельство подтверждает распространенную в то время реакцию на общественный запрос легитимности избираемой власти – необходимо и достаточно располагать конкурирующими политическими силами, которые в ходе голосования, соблюдая законные процедуры, получают большинство голосов. Споры по поводу недобросовестности субъектов избирательного процесса разрешает суд.

Второй редакцией закона о гарантиях избирательных прав граждан⁶ был полностью устранен рамочный характер отдельных норм и установлено его прямое действие на всей территории России. Принципы голосования остались неизменными.

Существенным образом была развита субъектность наблюдателя. Так, дано правовое определение термина «наблюдатель», сформулированы цель и задачи его деятельности, очерчен круг обязанно-

⁶ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации: [от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 38. – 22 сентября. – Ст. 4339.

стей и прав. Основной смысл наблюдения за голосованием сформулирован как обеспечение гласности в деятельности избирательных комиссий, что само по себе означало признание законодателем существования взаимосвязи легитимности избираемой власти и возможности общества наблюдать за ходом выборов процедур.

Вплоть до выборов президента РФ, проводившихся 26 марта 2000 г., избирательное право в России развивалось по описанному сценарию, с превалированием законотворческой самостоятельности регионов, но при этом не противоречило установленным на федеральном уровне принципам и правилам.

Попытка охарактеризовать этап становления избирательной системы с точки зрения обоих рассматриваемых аспектов может привести к следующим выводам:

1) демократические процедуры формирования органов власти вводились в высоком темпе, что приводило к не менее стремительной их правке, свидетельствующей об отсутствии стратегической проработки результатов правоприменения;

2) правотворчество очевидно подчинялось локальным, на историческом отрезке, задачам руководства страны и регионов;

3) базовые принципы демократического построения государства, такие как всеобщее равное прямое избирательное право при тайном голосовании, являлись неприкосновенными;

4) отсутствовал сформулированный общественный запрос на правовое регулирование независимого от политических пристрастий наблюдения за ходом голосования.

Смена руководства страны и постепенный разворот к упорядочиванию правоотношений, в том числе и в избирательной системе, на основе верховенства Конституции РФ и единства правового пространства потребовали некоторых изменений в подходах к перераспределению полномочий властных органов и хозяйствующих субъектов. Избирательное право, смежные с ним отрасли претерпели ряд преобразований. Новый этап эволюции избирательного права объективно привел к устранению фрагментарности, установлению однозначного приоритета федерального законодательства над региональным и, как следствие, к становлению управляемости всей избирательной системы России [2].

Наверное, окончательно завершающий предыдущий этап развития стал сюжет с подсчетом голосов на выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, проводившихся 7 декабря 2003 г. Введенный на тот момент пятипроцентный барьер при пропорциональной системе выборов по федеральному округу по состоянию на 23:40 преодолели, по данным Центральной избирательной комиссии РФ (далее – ЦИК РФ), пять партийных списков. Руководителей каждого из них лично поздравил президент РФ. Однако спустя еще три часа ЦИК РФ обнародовал уточненные данные подсчета голосов, согласно которым одна из партий утратила право на представительство в парламенте, получив 4,3 % голосов вместо изначально заявленных 6,1 %.

Такое правоприменение в процессе подсчета голосов, при всем его стрессовом характере, позволило на предстоящие пять лет занять доминирующее положение в законотворческом процессе единственному коллективному субъекту – партийной фракции, обеспеченной административным и управленческим ресурсом. Было принято считать, что это дало возможность на данном этапе сконструировать правовые модели, нацеленные на выстраивание единой правовой системы и единой системы управления, устранение издержек предыдущего этапа в государственном управлении и экономике.

В указанный период в избирательном праве России утвердилась главенствующая роль федерального законодательства. К 2004 г. все нормативные правовые акты регионов были приведены в соответствие с вновь принятой третьей редакцией закона о гарантиях избирательных прав граждан⁷. Сам этот закон, вплоть до 4 марта 2012 г., претерпел более 200 изменений и дополнений, которые, тем не менее, не изменили основные подходы к осуществлению гражданами своих политических прав.

Вместе с тем активно преобразовывались административное и уголовное право в связи с выборами правоотношениями. Уточнялись и вводились новые составы правонарушений и преступлений, изменялась мера ответственности. Устанавливались правила информирования населения о выборах, которые в 2005 г. были дополнены нормой, регулирующей допуск средств массовой информации к ос-

⁷ Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации: [от 12 июля 2002 г. № 67-ФЗ] // Парламентская газета. – 2002. – № 110-111. – 15 июня.

вещению выборов [3]. Менялся не только характер участия граждан в формировании органов власти в отношении глав субъектов – замена прямых выборов глав регионов назначением согласованных региональными парламентами кандидатур, но и условия реализации пассивного избирательного права – отмена одномандатных округов, повышение барьера для прохождения в парламент партий с 5 до 7 % от числа проголосовавших избирателей, а затем и возврат к нижней планке.

В 2006 г. появился прецедент ограничения пассивного избирательного права для граждан России, имеющих второе гражданство или иную правовую связь с гражданством иных государств, что в последующем имело свое развитие в виде ограничений и для организаций. Спустя еще пять лет было установлено правовое регулирование условий голосования маломобильных групп населения и граждан с ограниченными физическими возможностями.

Кратко характеризуя описанный этап эволюции избирательной системы России, отметим следующее:

1) в результате следования логике выстраивания единого правового пространства и устранения издержек предыдущего этапа в России сформировалась устойчивая система законотворчества с одним доминирующим субъектом – партией, которая больше всех обеспечена административным и управленческим ресурсом;

2) колебания в правовом регулировании избирательной системы имели характер адаптации условий волеизъявления к интересам единого правового пространства России;

3) осознана необходимость независимой от политических предпочтений оценки выборов;

4) предприняты попытки внедрения правовых ограничений, налагаемых на участников избирательного процесса помимо двух базовых – недееспособности и отбывания наказания за уголовные деяния;

5) определена стратегическая задача развития избирательной системы России – достижение такого состояния, при котором без нарушения базовых демократических принципов становится возможным управление результатами волеизъявления граждан в интересах общегосударственных приоритетов.

Вступая в 2012 г., избирательная система, как и иные сферы правового регулирования, оказалась в достаточной степени подготовленной к оперативному установлению новых или уточнению действующих правил, способов проведения выборов. В отличие от предыдущего этапа, полагаем, основная задача избирательного права как регулятора избирательной системы преобразовалась в обеспечение стабильности правоотношений, что в логике правоприменителя означает и предсказуемость последствий выборов [4]. Основной правовой акцент, влияющий на такую стабильность, был смещен в смежные отрасли права – противодействие экстремизму, партийное строительство, организация органов власти.

В качестве балансирования между интересом государства и общественным запросом осуществлено внедрение нового способа организации независимого от политических интересов наблюдения за выборами [5, с. 72]. Инкорпорирование законодательства об общественном контроле⁸ в законодательство о выборах позволило организовать массовое вовлечение граждан в процесс наблюдения за ходом голосования, подавляющее ранее распространенный способ привлечения наблюдателей со стороны только субъектов пассивного избирательного права [6, с. 81].

Проведенные затем выборы главы государства, внесение изменений в Конституцию РФ и выборы депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ продемонстрировали возможности массовой управляемой оценки правоприменения выборного законодательства в публичном поле. Помимо объективных результатов голосований, продемонстрированных избирательными комиссиями, общественный запрос на легитимность избирательных процедур был практически полностью удовлетворен подавляющим в публичном пространстве мнением наблюдателей, направленных общественными палатами, о законности выборов [7, с. 92].

Тем не менее, начало 2022 г. показало, что совершенствование избирательной системы продолжается, а подготовка к началу следующего избирательного цикла в 2023–2024 гг. сопровождается достаточно глубокими преобразованиями.

⁸ Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон Российской Федерации: [от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.)] // Российская газета. – 2014. – № 163. – 23 июля.

Выборы федерального уровня, оставаясь для граждан атрибутом неотъемлемого активного избирательного права, на рассматриваемом этапе претерпели ряд изменений. Внедрены длительные, более одного дня, периоды голосования, дистанционное голосование, электронные способы волеизъявления⁹. Хотя в рамках данной статьи и не усматривается возможность всецело оценить идущее реформирование, полагаем возможным охарактеризовать текущий период эволюции избирательной системы как этап управляемого совершенствования, решающий задачи стабильности государственной системы управления как в среднесрочном, так и в стратегическом диапазоне. При этом усматриваются следующие основные характеристики избирательной системы:

- 1) следование базовым демократическим принципам формирования органов власти;
- 2) применение социоформирующих инструментов, определяющих восприятие обществом легитимности выборов;
- 3) оперативное реагирование на изменения геополитической ситуации;
- 4) наличие стратегической компоненты в планировании результатов правоприменения избирательных уложений;
- 5) внедрение в избирательную практику достижений технического прогресса, что позволяет компенсировать возрастающие показатели абсентеизма.

В заключение, обобщая изложенное, полагаем уместным подчеркнуть наличие в эволюции избирательной системы России трех этапов, в ходе которых рассмотрены только два аспекта: обеспечение равных возможностей избирать; обеспечение независимых от политических предпочтений оценок выборов.

1. Этап возникновения избирательной системы России, условно ограниченный периодом с 21 сентября 1993 г. до конца 2001 г.

2. Этап адаптации избирательной системы к складывающимся условиям развития государства, принятый нами с 12 июня 2002 г. вплоть до конца 2011 г.

3. Этап управляемого совершенствования системы выборов в России, начавшийся в 2012 г. и продолжающийся по сегодняшний день.

Приведенная периодизация позволяет продолжить исследование иных проявлений избирательной системы России в прикладном и теоретическом разрезах. При этом следует отметить, что напрашивающиеся прогнозы относительно дальнейшей эволюции избирательного права вне оценки системной взаимосвязи с иными многочисленными аспектами функционирования избирательной системы не должны приниматься как научно обоснованная возможность.

Список литературы

1. Российский федерализм: конституционные предпосылки и политическая реальность: сб. докл. / под ред. Н.В. Варламовой, Т.А. Васильевой. – Москва, 2000. – 150 с.
2. Слободчикова С.Н. Эволюция свободных выборов в России: конституционно-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 3. – С. 27–32.
3. Якимов Е.М. Информационное обеспечение избирательного (референдумного) процесса как средство реализации принципа свободных выборов: истоки правового регулирования и современное состояние российского законодательства // Legal Concept. – 2018. – № 4. – С. 16–21.
4. Колушин Е.И. Избирательная реформа 2020 г. в свете принципов избирательного права // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 12. – С. 55–61.
5. Борисова Н.П. Эволюция избирательного законодательства в российской государственности (1993–2005 гг.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Казань, 2006. – 203 с.
6. Гусева Л.А. Сравнительный анализ региональных избирательных систем (на примере республик и областей Поволжья и Предуралья): дис. канд. ... полит. наук. – Казань, 1998. – 137 с.
7. Подъячева Е.И. Актуальные проблемы эволюции избирательного права в Российской Федерации на современном этапе // NovaInfo. – 2014. – № 20. – С. 90–96.

⁹ Смолин А.И. Эволюция избирательного законодательства в современной России. Доклад Ассоциации «Независимый общественный мониторинг». – URL: <http://www.nom24.ru/upload/iblock/83c/83cb7284986d013c7766da7be31f1e56.pdf> nom24.ru (дата обращения: 12.01.2022). – Текст: электронный.

References

1. Rossijskij federalizm: konstitucionnye predposylki i politicheskaya real'nost': sb. dokl. / pod red. N.V. Varlamovoj, T.A. Vasil'evoj. – Moskva, 2000. – 150 s.
2. *Slobodchikova S.N.* Evolyuciya svobodnyh vyborov v Rossii: konstitucionno-pravovoj aspekt // *Sibirskij yuridicheskij vestnik*. – 2019. – № 3. – S. 27–32.
3. *Yakimova E.M.* Informacionnoe obespechenie izbiratel'nogo (referendumnogo) processa kak sredstvo realizacii principa svobodnyh vyborov: istoki pravovogo regulirovaniya i sovremennoe sostoyanie rossijskogo zakonodatel'stva // *Legal Concept*. – 2018. – № 4. – S. 16–21.
4. *Kolyushin E.I.* Izbiratel'naya reforma 2020 g. v svete principov izbiratel'nogo prava // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. – 2020. – № 12. – S. 55–61.
5. *Borisova N.P.* Evolyuciya izbiratel'nogo zakonodatel'stva v rossijskoj gosudarstvennosti (1993–2005 gg.): istoriko-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. – Kazan', 2006. – 203 s.
6. *Guseva L.A.* Sravnitel'nyj analiz regional'nyh izbiratel'nyh sistem (na primere respublik i oblastej Povolzh'ya i Predural'ya): dis. kand. ... polit. nauk. – Kazan', 1998. – 137 s.
7. *Pod'yacheva E.I.* Aktual'nye problemy evolyucii izbiratel'nogo prava v Rossijskoj Federacii na sovremennom etape // *NovaInfo*. – 2014. – № 20. – S. 90–96.

УДК 342.4

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА: ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА СОВЕТСКОГО СОЮЗА И РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Пахров Анатолий Александрович¹,

канд. ист. наук, доцент,

e-mail: anatpahrov@mail.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Рассматриваются политические отношения, возникающие при переходе от советской (социалистической) к российской (демократической) системе на основе Конституции СССР 1977 г. и Конституции РФ 1993 г. Структурные и функциональные перемены в конституционном праве в нашей стране привели к тому, что «политическое пространство» стало активно использоваться для совершения антигосударственных действий, в частности для распространения западных идеологий и морали. Приводится сравнительный анализ исторического и современного состояния политической системы в России, а также намечаются формообразующие и содержательные признаки эволюции конституционного механизма. Анализируется конституционная практика по рассматриваемому вопросу, выделяются основные компоненты трансформированной политической системы Советского Союза и Российской Федерации (источники власти, глава государства, высшая законодательная, исполнительная и судебная власть, федеративное устройство), определяются сходные (наследственные) черты и особенности каждого из них.

Ключевые слова: политическая система, Конституция, Советский Союз, Российская Федерация, источник власти, глава государства, законодательная власть, исполнительная власть, судебная власть, федеративное устройство

TRANSFORMATION OF DOMESTIC CONSTITUTIONAL LAW: THE POLITICAL SYSTEM OF THE SOVIET UNION AND THE RUSSIAN FEDERATION

Pakhrov A.A.¹,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,

e-mail: anatpahrov@mail.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The article describes the political relations arising during the transition from the Soviet (socialist) to the Russian (democratic) system based on the 1977 USSR Constitution and 1993 RF Constitution. Structural and functional changes in constitutional law in our country led to the fact that the “political space” began to be actively used to commit anti-state actions, in particular, for the spread of Western ideologies and morality. A comparative analysis of the historical and current state of the political system in Russia is provided in the scientific article, as well the formative and meaningful signs of the evolution of the constitutional mechanism are outlined. The author analyzed the constitutional practice on the issue under consideration: the main components of the transformed political system of the Soviet Union and the Russian Federation (sources of power, the head of state, the highest legislative, executive and judicial power, federal structure) are considered, similar (hereditary) features and characteristics of each of them are identified.

Keywords: political system, Constitution, Soviet Union, Russian Federation, source of power, head of state, legislative power, executive power, judicial power, federal structure

DOI 10.21777/2587-9472-2022-2-13-18

Политическая система включает три основных структурных компонента: государственная власть; политические партии; общественно-политические организации. В рамках данной статьи будет подробно рассмотрен только первый из перечисленных компонентов политической системы нашего государства.

Гипотетически можно предположить, что трансформация государственной структуры влечет за собой изменение формы, сохраняя при этом схожие черты в ее содержании. Российская Федерация является безусловным наследником СССР как на ментально-историческом (социально-культурном), так и на политико-правовом уровне. Соответственно, достаточно очевидным является предположение о том, что в обеих Конституциях народ провозглашается *источником власти*, которая безоговорочно доверяется им государству [1, с. 140].

В ст. 2 Конституции СССР 1977 г. записано: «Вся власть в СССР принадлежит народу. Народ осуществляет свою власть через Советы народных депутатов, составляющих политическую основу СССР»¹. Положения данной статьи перекликаются со ст. 3 Конституции РФ, где отмечается, что «носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ. Народ осуществляет свою власть непосредственно (референдум и свободные выборы), а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления»².

Таким образом, очевидно, что трансформация источника власти касается только формы государственной власти: система советов меняется на государственную систему. Однако сущностные основы остаются неизменными: народ фактически отстранен от реальной власти и лишь периодически «утверждает» на голосованиях существующую власть.

Глава государства

Исторически сложилось так, что верховная государственная власть сводится в России к одному лицу, которое с течением времени трансформировалась лишь по форме, но не по содержанию. Можно выстроить следующую увлекательную, но при этом логическую (историческую) цепочку глав российского государства: князь – великий князь (Киевский, Владимирский, Московский) – царь – император – генеральный секретарь Центрального комитета – президент Российской Федерации.

В Конституции СССР 1977 г. (ст. 6) в завуалированной форме определяются полномочия лидера партии и государства: «Коммунистическая партия определяет генеральную перспективу развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР...»³.

Конечно, в «брежневской конституции» нет ни одного упоминания о роли и функциях генерального секретаря партии, но, как точно подметил великий поэт советской эпохи Владимир Маяковский, «мы говорим партия, подразумеваем Ленин». Можно продолжить этот ряд лидеров советского государства: Сталин – Хрущев – Брежнев – Андропов – Черненко – Горбачев. Следовательно, генеральный секретарь Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза (далее – КПСС) являлся несомненным лидером и конституционной главой государства.

В ст. 80 Конституции РФ президент открыто провозглашается главой государства, который, подобно генеральному секретарю, «определяет основные направления внутренней и внешней политики государства»⁴. По меткому выражению С.М. Шахрая, президент выполняет миссию своего рода «парового клапана», способного ослабить социальное давление [2, с. 51]. Здесь ясно прослеживается трансформация от должности генерального секретаря до президента с практически одинаковыми властными

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: [принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977> (дата обращения: 23.01.2022). – Текст: электронный.

² Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голос. 12 декабря 1993 г. с изм., одоб. в ходе общерос. голос. 1 июля 2020 г.]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 06.02.2022). – Текст: электронный.

³ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: [принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977> (дата обращения: 23.01.2022). – Текст: электронный.

⁴ Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голос. 12 декабря 1993 г. с изм., одоб. в ходе общерос. голос. 1 июля 2020 г.]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 06.02.2022). – Текст: электронный.

полномочиями. Оба они возвышаются над всеми ветвями власти, обладают законодательной инициативой, контролируют исполнительную власть, осуществляют представительские функции государства на международной арене. Таким образом, общим элементом однопартийной диктатуры и президентской республики, по мнению А.Н. Медушевского, выступает тенденция к «мнимому конституционализму» [3].

Некоторые отличия имеются лишь в процедурной сфере: генеральный секретарь выбирается на Пленуме Центрального комитета без ограничения срока его полномочий, а президент Российской Федерации избирается сроком на шесть лет гражданами на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании [4].

Высшая законодательная власть

Структуры высшей законодательной ветви власти также сопоставимы друг с другом – Верховный Совет СССР трансформировался в Федеральное Собрание Российской Федерации. Оба этих органа имеют двухпалатное устройство: Совет Союза и Совет Национальностей в СССР; Совет Федерации и Государственная Дума в РФ. При этом по характеру членства Совет Федерации (верхняя палата) сходен с Советом Национальностей (нижняя палата), и наоборот: Государственная Дума (нижняя палата) соотносится с Советом Союза (верхняя палата). Однако от перестановки мест содержательная сущность не меняется.

Первая пара палат по своему составу включает представителей субъектов РФ и СССР, однако при этом в Совете Федерации Федерального Собрания РФ имеется существенная доля представителей, назначаемых президентом РФ, что по формальному признаку дает дополнительные рычаги влияния главы государства в Российской Федерации по сравнению с руководящим лицом Советского Союза (ст. 95 Конституции РФ). Другая пара палат (Совет Союза – Государственная Дума) обладает соотносительным сходством: обе они формируются по избирательным округам с одинаковым сроком на пять лет (ст. 110 Конституции СССР 1997 г. – ст. 96 Конституции РФ 1993 г.).

Наблюдается преемственность и в организационной стороне деятельности обеих палат законодательного корпуса РФ и СССР. В ст. 111 Конституции СССР 1977 г. записано: «Каждая палата Верховного Совета СССР избирает Председателя и четырех его заместителей. Председатели Совета Союза и Совета Национальностей руководят заседаниями соответствующих палат и ведают их внутренним распорядком»⁵. В ст. 101 Конституции РФ читаем: «Совет Федерации избирает из своего состава Председателя Совета Федерации и его заместителей. Государственная Дума избирает из своего состава Председателя Государственной Думы и его заместителей. Председатель Совета Федерации и его заместители, Председатель Государственной Думы и его заместители ведут заседания и ведают внутренним распорядком палаты»⁶.

Соответственно, в Конституции РФ, в отличие от Конституции СССР, не устанавливается точное количество заместителей палат парламента. В реальной практике число заместителей председателей палат в Российской Федерации достигало десяти человек, что неминуемо ведет к усилению процессов бюрократизации в государственном управлении.

Следует заметить, что в организации работы законодательных палат Советского Союза и Российской Федерации имелось важное существенное отличие. Сессии российского парламента действуют на постоянной основе, в то время как сессии Верховного Совета СССР созывались лишь два раза в год. Отсюда наблюдается заметный рост интенсивности законодательной деятельности в Российской Федерации по сравнению с Советским Союзом. Однако в СССР существовал орган высшей законодательной и представительной власти, не подвергшийся трансформации. Речь идет о Президиуме Верховного Совета СССР, который в отличие от Верховного Совета СССР заседал на постоянной основе и состоял из председателя, первого заместителя, 15 заместителей (по одному от каждой союзной республики), секретаря и 21 члена, избираемых из состава Верховного Совета СССР. По мнению В.П. Андреева,

⁵ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: [принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977> (дата обращения: 23.01.2022). – Текст: электронный.

⁶ Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голос. 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голос. 1 июля 2020 г.]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 06.02.2022). – Текст: электронный.

законотворческая деятельность Президиума Верховного Совета СССР носила антиконституционный характер, когда принимаемые им указы часто противоречили действующему законодательству⁷.

Основные функции Президиума Верховного Совета СССР относились к внешнеполитической и военной сферам, наградной системе, утверждению и публикации законов, принятых палатами Верховного Совета СССР. Согласно Конституции 1993 г. полномочия Президиума Верховного Совета распределены между президентом РФ и Советом Федерации Федерального Собрания РФ. Кроме того, на практике, по мнению Н.И. Грачева, парламент в России по существу превратился в законосовещательный орган при президенте РФ [5].

Высшая исполнительная власть

Очевидно, что Совет Министров СССР (Правительство СССР) был трансформирован в Правительство Российской Федерации (ст. 128 Конституции СССР – ст. 110 Конституции РФ). Состав обоих исполнительных органов также не претерпел существенных изменений: председатель, заместители председателя, министры (ст. 129 Конституции СССР – ст. 110 Конституции РФ).

Однако уровень подотчетности исполнительных ветвей власти значительно изменился. Если в СССР правительство находилось под контролем Верховного Совета и Президиума Верховного Совета (скорее второго, чем первого), то в РФ правительство несет ответственность в основном перед главой государства (президентом РФ) и частично перед Государственной Думой Федерального Собрания РФ (ст. 130 Конституции СССР – ст. 110 Конституции РФ). В реальной же исторической практике, по справедливому замечанию А.Л. Земцова, «Конституция СССР 1977 г. закрепила дуалистическую структуру власти, существовавшую в стране» [6]. Иными словами, произошло сращивание партийной и государственной власти, выразившееся в совмещении должностей генерального секретаря Центрального комитета КПСС и председателя Совета Министров СССР. Это позволяет сделать вывод о том, что и правительство Советского Союза находилось под полным контролем главы государства, соответственно, связка «глава государства – правительство» функционировала как в СССР, так и в РФ.

Функциональное наполнение деятельности правительств обоих государств также имеет сходство во многих своих проявлениях: экономика, государственный бюджет, оборона и внешняя политика, наука, образование, социальная сфера (ст. 131 Конституции СССР – ст. 114 Конституции РФ). Некоторые отличия, имеющиеся в Конституции РФ, объяснимы с точки зрения появления экономических и политических новаций (частное предпринимательство, экологические проблемы и др.).

Вместе с тем в СССР по аналогии с устройством высшей законодательной власти существовал еще один структурный компонент высшей исполнительной власти – Президиум Совета Министров СССР. Состав Президиума определен Конституцией СССР 1977 г.: председатель, первые заместители, заместители и другие ключевые министры⁸. Интересно, что подобный орган высшей исполнительной власти появляется в Законе РФ от 14 марта 2020 г. № 1 «О поправке к Конституции РФ»⁹, которым вводится должность «федеральных (*авт.*: ключевых) министров» в сферах обороны, государственной безопасности, внутренних дел, юстиции, иностранных дел, чрезвычайных ситуаций, общественной безопасности». Таким образом, некоторый аналог Президиума Совета Министров СССР появился и в Российской Федерации.

Высшая судебная власть

Определенная историческая преемственность наблюдается и в структуре высшей судебной власти. Рассмотрим следующий пример.

⁷ Андреев В.П. Советский период народного представительства. – URL: http://www.duma.tomsk.ru/content/6_sovetskij_period_narodnogo_predstavitelstva#k77 (дата обращения: 14.02.2022). – Текст: электронный.

⁸ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: [принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977> (дата обращения: 23.01.2022). – Текст: электронный.

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

Конституцией СССР 1977 г. во главе системы правосудия располагаются Верховный Суд СССР, суды субъектов и военные трибуналы. Верховный Суд РФ и суды субъектов Российской Федерации являются ядром судебной системы государства. Полностью сохраняются и функции надзора Верховных Судов СССР и РФ за судебной деятельностью других (нижестоящих) судов (ст. 153 Конституции СССР – ст. 126 Конституции РФ).

Однако в Российской Федерации появился еще один высший судебный орган власти – Конституционный Суд Российской Федерации – «в целях защиты конституционного строя, основных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения верховенства и прямого действия Конституции Российской Федерации на всей территории Российской Федерации»¹⁰.

Анализ показывает, что полномочия Конституционного Суда в Советском Союзе выполнял высший законодательный орган – Верховный Совет СССР, а точнее Президиум Верховного Совета СССР, который «осуществлял контроль за соблюдением Конституции СССР и обеспечивал соответствие конституций и законов союзных республик в случае несоответствия их основному закону» (п. 4 ст. 121 Конституции СССР). Понимая необходимость перенести функции конституционного суда из законодательной в судебную ветвь власти десять лет спустя, в 1988 г. создается Комитет конституционного надзора СССР, который и стал непосредственным предшественником Конституционного Суда Российской Федерации (поправка к ст. 125 Конституции СССР от 1 декабря 1988 г.).

Кроме того, наблюдается преемственность от одной конституции к другой в соблюдении основных принципов правосудия: коллегиальность, независимость судей, равенство граждан перед законом и судом, открытость судебных заседаний, право на защиту и т.д. (ст. 154–158 Конституции СССР – ст. 120–123 Конституции РФ).

Федеративное устройство

Трансформация территориального устройства проявляется, прежде всего, в изменениях, связанных с распадом СССР и выходом из него всех союзных республик. При этом Российская Федерация – преемник Советского Союза – была структурирована на тех же принципах федерализма. Внутреннее строение в РФ идентично с СССР: те же республики, края, автономные округа и области. По справедливому замечанию В.В. Мамонова, часть норм Конституции РФ, определяющих федеративное устройство, можно считать наследием советского периода отечественной государственности [7].

Если сравнивать уровни власти союзных республик в СССР и субъектов в РФ, то полномочия первых по Конституции СССР 1977 г. являлись более широкими. Об этом говорит следующее положение: «Союзные республики имеют право вступать в отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, участвовать в деятельности международных организаций»¹¹. Следует отметить, что Конституцией РФ 1993 г. указанные полномочия относятся к сфере деятельности Российской Федерации или находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации¹².

Кроме того, в Конституции СССР 1977 г. закреплено право свободного выхода из СССР, тогда как в Конституции РФ 1993 г. право сецессии отсутствует. Можно предположить, что исключение статьи о праве выхода связано с быстрым развалом СССР в начале 90-х гг. XX в., когда все без исключения союзные республики стали независимыми государствами. Подобный процесс грозил и Российской Федерации, если бы Конституцией РФ 1993 г. не был установлен своеобразный «централизованный федерализм».

¹⁰ Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голос. 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голос. 1 июля 2020 г.]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 06.02.2022). – Текст: электронный.

¹¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик: [принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.]. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977> (дата обращения: 23.01.2022). – Текст: электронный.

¹² Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голос. 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голос. 1 июля 2020 г.]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 06.02.2022). – Текст: электронный.

Заключение

Таким образом, проведя сравнительно-исторический анализ двух конституций, можно сделать вывод о том, что сила исторической инерции привела, несмотря на изменение государственного строя, к консервации содержательных основ политической системы России. Трансформация затронула только формальные компоненты различных ветвей власти. Иначе говоря, изменилась форма, но не содержание (сущностное наполнение) основного закона нашей страны.

Список литературы

1. *Мореева С.Н.* Конституционный опыт советской России: идеи и практика // Труды Института государства и права Российской академии наук. – 2009. – № 4. – С. 128–141.
2. *Шахрай С.М.* Конституция России: стабильность и развитие // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 10. – С. 44–55.
3. *Медушевский А.Н.* Основной закон СССР 1977 г.: государство и личность в эпоху «развитого социализма» // Полития. – 2014. – № 3. – С. 149–168.
4. *Сорокун П.В., Калашиников В.С.* Историко-правовое сравнение советской и российской конституций // Эпоха науки. – 2016. – № 8. – С. 85–88.
5. *Грачев Н.И.* Конституция 1993 г. и перспективы развития российского конституционализма // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5. Юриспруденция. – 2013. – № 4. – С. 42–48.
6. *Земцов А.Л.* Конституция СССР 1977 г. // Проблемы современной науки и образования. – 2017. – № 22. – С. 38–45.
7. *Мамонов В.В.* Конституция СССР 1977 г.: этап развития или основа «застоя»? // Ленинградский юридический журнал. – 2014. – № 4. – С. 185–192.

References

1. *Moreeva S.N.* Konstitucionnyj opyt sovetskoj Rossii: idei i praktika // Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossijskoj akademii nauk. – 2009. – № 4. – S. 128–141.
2. *Shahraj S.M.* Konstituciya Rossii: stabil'nost' i razvitie // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2018. – № 10. – S. 44–55.
3. *Medushevskij A.N.* Osnovnoj zakon SSSR 1977 g.: gosudarstvo i lichnost' v epohu “razvitogo socializma” // Politiya. – 2014. – № 3. – S. 149–168.
4. *Sorokun P.V., Kalashnikov V.S.* Istoriko-pravovoe sravnenie sovetskoj i rossijskoj konstitucij // Epoha nauki. – 2016. – № 8. – S. 85–88.
5. *Grachev N.I.* Konstituciya 1993 g. i perspektivy razvitiya rossijskogo konstitucionalizma // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 5. Yurisprudenciya. – 2013. – № 4. – S. 42–48.
6. *Zemcov A.L.* Konstituciya SSSR 1977 g. // Problemy sovremennoj nauki i obrazovaniya. – 2017. – № 22. – S. 38–45.
7. *Mamonov V.V.* Konstituciya SSSR 1977 g.: etap razvitiya ili osnova “zastoya”? // Leningradskij yuridicheskij zhurnal. – 2014. – № 4. – S. 185–192.

УДК 349.6

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАЧЕСТВА ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ ПОСЛЕ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА ПРИМЕРЕ РЕФОРМ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ (ОПЫТ КАНАДЫ)

Слабоспицкий Анатолий Сергеевич^{1,2},
e-mail: slabospitskyas@gmail.com,

Слабоспицкая Анастасия Сергеевна³,
e-mail: slabospickayaanastasia@gmail.com,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Россия,

³Российский университет дружбы народов, г. Москва, Россия

Пандемия COVID-19 оказала влияние на экологическое изменение в состоянии окружающей среды. Проблема загрязнения воздуха, которая классифицируется как одна из самых больших экологических проблем, влияющих на здоровье населения, по мере развития пандемии менялась. Появились доказательства того, что загрязненный воздух повышает риск заразиться COVID-19 и способствует росту числа умерших среди заразившихся. Тем самым была выявлена закономерность между качеством воздуха и числом заболевших и скончавшихся. Задача исследования – краткий обзор опыта Канады в части нормотворческой деятельности в отношении окружающей среды в условиях пандемии. Цель исследования – осветить практические предложения зарубежной юрисдикции по анализируемому вопросу, отразить преимущества и недостатки полученного опыта. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, сравнительно-правовой методы, а также общенаучные методы познания. Переосмысление определения законодательных нормативов к качеству окружающей среды рассмотрено в плоскости эффективной и быстрой борьбы с пандемией в будущем и ради достойного поддержания качества окружающей среды, что является основным направлением государственной политики в области защиты окружающей среды.

Ключевые слова: законодательные реформы, процессуальные сроки, пандемия COVID-19, экологическое право, загрязнение окружающей среды

RETHINKING THE DEFINITION OF ENVIRONMENTAL QUALITY AFTER THE COVID-19 PANDEMIC ON THE EXAMPLE OF REFORMS IN LEGISLATION (EXPERIENCE OF CANADA)

Slabospitsky A.S.^{1,2},
e-mail: slabospitskyas@gmail.com,

Slabospitskaya A.S.³,
e-mail: slabospickayaanastasia@gmail.com,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia,

²All-Russian State University of Justice, Moscow, Russia,

³Peoples Friendship University of Russia, Moscow, Russia

The COVID-19 pandemic has even had an impact on environmental change. Air pollution, which is classified as one of the biggest environmental problems affecting public health, changed as the pandemic progressed. Evidence has also emerged that polluted air increases the risk of contracting COVID-19 and contributes to an increase in the number of deaths among those infected. Thus, a pattern was found between air quality and the number of cases and deaths. The objective of the study is to briefly review Canada's experience with environmental rulemaking in a pandemic environment. The aim of the study is to highlight the practical proposals of foreign jurisdiction on the analyzed issue, to reflect the advantages and disadvantages of the received experience. Methodological

basis: formal-legal method, comparative-legal method, general scientific methods of knowledge. Rethinking the definition of legislative standards to the quality of the environment is considered in the area of effective and rapid struggle against pandemic in the future and for the sake of decent maintenance of environmental quality, which is the main direction of state policy in the field of environmental protection.

Keywords: legislative reforms, proceedings' deadlines, pandemic COVID-19, environmental law, environmental pollution

DOI 10.21777/2587-9472-2022-2-19-25

Пандемия COVID-19 оказала огромное влияние на повседневную жизнь граждан не только в России, но и по всему миру. Глобальная проблема затронула почти все сферы жизни человека, что привело к экологическим изменениям, в том числе и в состоянии окружающей среды. Например, проблема загрязнения воздуха, которая классифицируется как одна из самых больших экологических проблем, влияющих на здоровье населения, по мере развития пандемии COVID-19 изменялась. Этому поспособствовало и ограничение, наложенное на передвижение граждан в марте 2020 г., что привело к уменьшению объема трафика автотранспорта и изменению маршрута привычных для граждан поездок.

Таким образом, вынужденная правовая динамика привела к изменениям в состоянии экологической среды на всех ее уровнях. Это подтверждает актуальность данного исследования.

На практике же наложенное на передвижение граждан ограничение в марте 2020 г. привело к уменьшению потока трафика городского автотранспорта и изменению маршрута привычных для граждан ежедневных поездок, а также колоссальной перестройке подверглась работа правоохранительной системы исследуемых стран [1]. Так, по данным парламента Соединенного Королевства Великобритании, во время блокировки движения автотранспорта внутри столицы свыше трети ее жителей заявили о том, что им стало легче дышать [2].

По мере развития пандемии COVID-19 появились научные доказательства того, что загрязненный атмосферный воздух повышает шансы граждан заразиться коронавирусной инфекцией, а также способствует росту числа умерших среди уже заразившихся граждан [3; 4]. Тем самым была выявлена характерная закономерность между качеством атмосферного воздуха окружающей среды и числом заболевших и скончавшихся в период пандемии COVID-19 [5].

Данное исследование посвящено выбранной теме, т.к. вынужденные реформы должны быть проанализированы и приняты ради эффективной и быстрой борьбы с пандемией COVID-19 и достойного поддержания качества окружающей среды, что является основным направлением государственной политики в области защиты окружающей среды и гарантией ее высокого качества для всех граждан¹.

15 июня 2020 г. Министерство окружающей среды, охраны природы и парков провинции Онтарио (Ministère de l'Environnement, de la Protection de la nature et des Parcs, далее – Министерство окружающей среды, Министерство) отменило постановление № 115/20, которое включало все новые законы и постановления, ограничивающие влияние на землю, воздух, воду и другие компоненты природы с целью 30-дневного периода консультаций в соответствии с Биллем о правах окружающей среды². Указанное постановление сняло с Министерства окружающей среды обязательство соблюдения каких-либо экологических ценностей при принятии решений, вплоть до их отмены, что, в свою очередь, отрицательным образом отразилось на состоянии окружающей среды, т.к. она на данный период, как объект права, лишилась какой-либо защиты со стороны государства. Соответственно, можно сделать вывод о том, что это решение со стороны Министерства окружающей среды было недальновидным.

Кроме того, следует обратить внимание на требование размещать в социальных сетях новые законодательные инициативы (правила, меры), которые касаются качества и влияния на окружающую среду, с целью предоставить возможность и право местным жителям активнее участвовать в принятии решений через комментарии, которые они теперь могут оставлять к публикациям. Несмотря на то, что

¹ Об охране атмосферного воздуха: Федеральный закон Российской Федерации: [от 4 мая 1999 г. № 96-ФЗ]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 05.02.2022). – Текст: электронный.

² O. Reg. 115/20: temporary exemptions relating to declared emergency. – URL: <http://www.ero.ontario.ca/notice/019-1599> (дата обращения: 11.05.2022). – Текст: электронный.

постановление № 115/20 было отменено, за это время без публичных слушаний был принят ряд регулирующих действий, в том числе:

1) из-за сложившихся трудностей в период пандемии COVID-19 правительство Онтарио отложило реализацию первой фазы нового положения о переработке строительного грунта с 1 июля 2020 г. до 1 сентября 2021 г. Фаза включала внедрение стандартов, регулирующих повторное использование почв, ее обработку на проектных территориях и транспортировку³.

Несмотря на перенесение сроков, производители и владельцы изъятых почв должны следовать передовой практике. Ради достижения этой цели Министерство окружающей среды проводило работы с муниципальными властями, а также с другими заинтересованными сторонами, вводя новые нормы и способствуя скорейшему принятию решений, касающихся данного вопроса, а в случае необходимости и доработки указанных нормативов.

Учитывая сказанное, можно предположить, что отсрочка реализации фазы нового положения о переработке почв в целом негативно отразится на решении вопроса утилизации грунта, вырытого при строительстве. Застой почв может привести к локальным экологическим бедствиям из-за небезопасной утилизации/хранения грунта. Соответственно, решение было принято поспешно.

Правительство провинции Онтарио было вынуждено внести некоторые поправки в виде постановления № 153/04 в закон провинции Онтарио «Об охране окружающей среды»⁴, касающегося упорядочивания состояний земельных участков⁵. Внесенные изменения освобождают от соблюдения постановления временные медицинские учреждения и жилые объекты, которые планируется возвести на тех участках, которые ранее были использованы для общественных или коммерческих целей, как одна из мер, предпринятых из-за чрезвычайной ситуации в период пандемии COVID-19, в соответствии с Законом об управлении чрезвычайными ситуациями и гражданской защите⁶.

В большинстве случаев запись о состоянии участка, выбранного под строительство, должна быть внесена в Реестр экологических объектов⁷. Такая процедура должна быть произведена до начала строительства, например при смене целей использования участка с менее опасного для окружающей среды (коммерческое производство, промышленность) на более щадящее (временная, жилая застройка). Однако подобная процедура, т.е. подача акта о состоянии участка, может занять более года, что приводит к значительной временной задержке, тогда как наличие данных сооружений, в случае необходимости быстрого реагирования во время чрезвычайных ситуаций, требуется немедленно. Исключение может быть распространено на временные сооружения, служащие для проведения тестирования на COVID-19, или изолированные медицинские сооружения, а также любые другие временные сооружения, воздвигнутые для использования в будущих фазах пандемии COVID-19.

Принятие такого решения может иметь негативные последствия в тех случаях, когда понадобится не внесенная в реестр информация. Такими случаями могут служить, например, чрезвычайные ситуации, катаклизмы, пожары и т.д. Можно сделать вывод о том, что в данном случае отказ от выполнения обязанностей из-за перегруженности системы государственного управления приведет к негативным последствиям;

2) были внесены правки в стандарты качества воздуха вблизи объектов нефтехимической промышленности в соответствии с законами субъектов их места нахождения. Так, Министерство окружающей среды предоставило четырем предприятиям нефтехимической промышленности послабление касательно стандартов качества воздуха⁸. Для физического дистанцирования сотрудников между собой, что-

³ Excess soil regulatory proposal and amendments to Record of Site Condition (Brownfields) Regulation. – URL: <http://www.ero.ontario.ca/notice/019-1853> (дата обращения: 02.05.2022). – Текст: электронный.

⁴ Environmental Protection Act, R.S.O. – URL: <http://www.ontario.ca/laws/statute/90e19> (дата обращения: 15.06.2022). – Текст: электронный.

⁵ O. Reg. 153/04: records of site condition. Part XV.1 of the Act under Environmental Protection Act, R.S.O. – URL: <http://www.ontario.ca/laws/regulation/040153> (дата обращения: 15.06.2022). – Текст: электронный.

⁶ Emergency Management and Civil Protection Act, R.S.O. – URL: <http://www.ontario.ca/laws/statute/90e09?search=the+Emergency+Management+and+Civil+Protection+Act> (дата обращения: 15.04.2022). – Текст: электронный.

⁷ Amendments to the Petrochemical-Industry Standard under the Local Air Quality Regulation (O. Reg. 419/05). – URL: <http://www.ero.ontario.ca/notice/019-1753> (дата обращения: 19.04.2022). – Текст: электронный.

⁸ Там же.

бы предотвратить распространение вируса COVID-19, было сокращено число необходимых проверок и освидетельствований резервуаров, предназначенных для хранения первичной нефти. Сказанное позволяет сделать вывод, что уменьшение количества проверок и введенные послабления окажут негативное влияние на экологическое состояние атмосферы, что, в свою очередь, критично в период пандемии COVID-19, т.к., по данным парламента Великобритании, загрязненный воздух может способствовать росту числу заболевших COVID-19, а также повышать шанс на летальный исход в случае заражения [5];

3) были внесены поправки, касающиеся отчетов о выбросах парниковых газов за 2019 г. В соответствии с требованиями федерального правительства власти Онтарио внесли поправки в правила регулирования количественного определения, отчетности и проверки производимых парниковых газов⁹;

4) чрезвычайная ситуация также повлияла на законопроект № 189 «О помощи и защите от коронавирусной инфекции (COVID-19)»¹⁰. Правительством провинции были приостановлены определенные действия и сроки, указанные в Законе «О планировании» в ответ на беспокойство муниципальных властей¹¹.

В перечисленных пунктах, как альтернативное решение данных вопросов, можно было бы предложить предпринимать санитарно-гигиенические меры, направленные на снижение риска заболеваемости коронавирусной инфекцией, а также проведение ПЦР-тестов среди сотрудников, вакцинацию, принятие других решений, необходимых во время пандемии. Правительству удалось бы сохранить высокий уровень аудита состояния окружающей среды, приобретенный до пандемии COVID-19, а также не провоцировать рост числа заболевших граждан.

Помимо перечисленных изменений в региональном законодательстве канадское правительство было вынуждено принять определенные изменения и на федеральном уровне, т.к. пандемия COVID-19 имеет глобальный характер, хотя изменения ее фаз происходят и на локальном уровне, в ходе чего были изменены даты рассмотрения и реализации многих инициатив, в том числе:

– внедрение новых стандартов чистого топлива. Министерство окружающей среды заявило о вынужденной приостановке в процессе внедрения нового стандарта чистого топлива до неустановленной даты к концу 2022 г. [6]. Внедрение этого стандарта по уменьшению количества выбросов углерода на 30 млн т в год является важной частью политики Канады¹². Кроме того, правительство данной страны было вынуждено перенести сроки начала реализации постановления с весны на осень 2021 г. Как следствие, вынужденная приостановка также окажет негативное воздействие на экологическое состояние атмосферы;

– продление сроков на предоставление данных о загрязнении окружающей среды промышленными предприятиями в анализируемой стране. Министерство окружающей среды 23 апреля 2020 г. заявило о продлении сроков представления отчетности о выбросах парниковых газов с 1 июня до 31 июля. Вынужденная мера была направлена на облегчение работы служб предприятий, являющихся крупными аэрополлютантами, производящих большие объемы парниковых газов. Им были сделаны послабления административных требований к отчетности и проверкам выбросов¹³.

В указанных случаях правительство, ради обеспечения понижения числа зараженных COVID-19 среди работников, допускает послабление к требованиям высокого качества экологического состояния окружающей среды. Однако это решение может нести негативные последствия, например снижение качества экологической обстановки, что впоследствии может оказать отрицательные экстерналии на состояние здоровья уже заразившихся граждан и повысить рост числа заболевших. Альтернативными решениями данных кейсов могли бы служить отказ от принятия упомянутых пунктов и введение не-

⁹ O. Reg. 390/18: greenhouse gas emissions: quantification, reporting and verification. – URL: <http://www.canlii.ca/t/943d> (дата обращения: 12.05.2022). – Текст: электронный.

¹⁰ Bill 189, Coronavirus (COVID-19) Support and Protection Act, 2020. – URL: <http://www.ola.org/en/legislative-business/bills/parliament-42/session-1/bill-189> (дата обращения: 14.05.2022). – Текст: электронный.

¹¹ Bill 189, Coronavirus (COVID-19) Support and Protection Act, 2020 amendments to the Planning Act and Ontario Regulation 149/20 Special Rules Relating to Declared Emergency. – <http://www.ero.ontario.ca/notice/019-1653> (дата обращения: 24.05.2022). – Текст: электронный.

¹² Environment and climate change Canada, climate change/greenhouse gas: appearance before the Standing Committee (November 4, 2020). – URL: <http://www.canada.ca/en/environment-climate-change/corporate/transparency/briefing-materials/appearance-before-standing-committee-november-2020/climate-change-greenhouse-gas.html> (дата обращения: 27.04.2022). – Текст: электронный.

¹³ Report to the National Pollutant Release Inventory Program. – URL: <http://www.canada.ca/en/environment-climate-change/services/national-pollutant-release-inventory/report.html> (дата обращения: 27.04.2022). – Текст: электронный.

обходимых санитарно-эпидемиологических мер, направленных на удержание под контролем числа заболевших. Такими мерами могут послужить вакцинация, проведение ПЦР-тестирований, соблюдение масочного режима, социальное дистанцирование и т.д.

Существенные изменения в законодательстве Канады происходят и на сегодняшний день. 8 июля 2020 г. в первом чтении в Законодательном собрании Онтарио был принят законопроект № 197 «О восстановлении экономики после пандемии COVID-19»¹⁴. Данный сводный законопроект содержит ряд существенных поправок, касающихся 20 законодательных актов провинций, включая закон об оценке состояния окружающей среды¹⁵. Можно сказать, что данный законопроект, несмотря на свое название, касается в основном изменений, произведенных до пандемии COVID-19. Однако есть существенные изменения, связанные с состоянием окружающей среды и экологией: поправки касательно закона о правонарушениях в провинциях данной страны¹⁶. Из документа следует, что будет произведено расширение дистанционного или онлайн-участия в судебных разбирательствах и проверочных инстанциях, а также будет пересмотрен подход и к делопроизводству, например подача документов переводится в электронный формат. Такая позиция вытекает из того, что в настоящее время все чаще у человека есть в пользовании смартфон, соответственно, и доступ к информационно-коммуникационным технологиям [7; 8].

Указанная реформа не обходит стороной экологические правонарушения, разбирательство которых было почти полностью приостановлено во время пандемии COVID-19 в результате ограничений в законодательстве, касающихся удаленных явок. Данные изменения в законодательстве направлены на повышение скорости решения вопросов, связанных с законом о провинциальных правонарушениях в период COVID-19 и в будущем¹⁷. Это решение является, на наш взгляд, приемлемым, т.к. нет доказательств снижения продуктивности работы судебных систем в дистанционном формате [9]. Более того, можно предположить, что таким образом будут сохранены природные ресурсы, которые было бы необходимо использовать при логистических операциях.

В большинстве случаев суды находятся внутри городов, а дистанционный формат работы обеспечивает отказ от физического присутствия сторон судебного процесса и технического персонала, следовательно, экономит затраты на транспорт в виде сжигания топлива и т.п. Дистанционный формат во многих ситуациях подразумевает отказ от печати документов на бумажных носителях и замену их на цифровые аналоги, соответственно, происходит экономия на канцелярии и других ресурсах. Данное решение обладает множеством положительных качеств, которые направлены на снижение негативного воздействия на окружающую среду, повышение ответственности потребителей, уменьшение объема потенциальных отходов и т.д.

Проходящая пандемия вынудила правительство многих стран отсрочить решение глобальных и локальных экологических проблем на неопределенный срок, в результате чего были внесены изменения, временно отменены и отложены многие нормативно-правовые документы. На данный момент экологическая обстановка потеряла тот контроль и внимание, которые ранее сосредотачивали на ней законотворческие и исполнительные органы, и это несмотря на многие предпринятые меры, которые можно было реализовать в целях сохранения здоровья граждан в период пандемии COVID-19. Эта вынужденная пауза может не только послужить негативным последствием, ухудшающим экологическое состояние планеты в целом, но и стать негативным катализатором, который будет способствовать развитию более тяжелых форм пандемии и увеличивать ее протяженность. Для предотвращения такого поворота событий законодатели должны направить свое внимание на возможные последствия от послаблений, в частности касающиеся экологии, которые они вынуждены предпринимать сегодня с расчетом их перспектив в будущем, что ждет граждан после преодоления пандемии.

¹⁴ Bill 197, COVID-19 Economic Recovery Act, 2020. – URL: <http://www.ola.org/en/legislative-business/bills/parliament-42/session-1/bill-197> (дата обращения: 29.04.2022). – Текст: электронный.

¹⁵ Modernizing Ontario's environmental assessment program – Environmental Assessment Act. – URL: <http://www.ero.ontario.ca/notice/013-5102> (дата обращения: 29.04.2022). – Текст: электронный.

¹⁶ Humphreys A. Faced with COVID-19. Courts hold virtual bail hearings as detention decisions gain added complexity. National Post. – URL: <http://www.nationalpost.com/news/canada/covid-19-courts-bail-hearings-detention-complexity> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст: электронный.

¹⁷ COVID-19: Notice to Counsel/Paralegals and the Public Regulation: Provincial Offences Act Matters in the Ontario Court of Justice (Revised March 31, 2021). – URL: <http://www.ontariocourts.ca/ocj/covid-19/notice-to-public-regarding-provincial-offences-act-matters> (дата обращения: 06.05.2022). – Текст: электронный.

Вследствие того что биоценоз – это целостная экологическая система, каждая часть которой имеет непосредственное влияние на другие ее составляющие, незначительные изменения могут привести к значимым последствиям, и именно выявление всевозможных динамик является главной задачей всех законодательных органов. Как отмечал Конфуций, кто не задумывается о далеких трудностях, того ждут ближние неприятности. Соответственно, и законодатель должен прогнозировать последствия тех решений, которые предпринимают сегодня.

Список литературы

1. Гуреев В.А., Слабоспицкий А.С. Электронные технологии в судебной системе Канады // Вестник исполнительного производства. – 2020. – № 4. – С. 21–29.
2. Geier M.R., Geier D.A. Respiratory conditions in coronavirus disease 2019 (COVID-19): important considerations regarding novel treatment strategies to reduce mortality // Medical Hypotheses. – 2020.
3. Jiang X-Q., Mei X-D., Feng D. Air pollution and chronic airway diseases: what should people know and do? // Journal of Thoracic Disease. – 2016.
4. Cohen A.J., Brauer M., Burnett R., Anderson H.R., Frostad J., Estep K., Balakrishnan K., Brunekreef B., Dandona L., Dandona R., Feigin V., Freedman G., Hubbell B., Jobling A., Kan H., Knibbs L., Liu Y., Martin R., Morawska L., Pope 3rd C Arden, Shin H., Straif K., Shaddick G., Thomas M., Dingenen van R., Donkelaar van A., Vos Th., Murray J L Ch., Forouzanfar M.H. Estimates and 25-year trends of the global burden of disease attributable to ambient air pollution: an analysis of data from the Global Burden of Diseases Study 2015 // Lancet. – 2018.
5. Hasnain A., Hashmi M.Z., Bhatti U.A., Nadeem B., Wei G., Zha Y., Sheng Y. Assessment of air pollution before, during and after the COVID-19 pandemic lockdown in Nanjing, China // Atmosphere. – 2021.
6. Khan I., Shah D., Shah S.S. COVID-19 pandemic and its positive impacts on environment: an updated review // International Journal of Environmental Science and Technology. – 2021. – No. 18. – P. 521–530.
7. Слабоспицкий А.С. Судебная система Сингапура (опыт работы в пандемию 2020 г.) // Вестник Казахского национального университета. Серия «Юридическая». – 2021. – Т. 97, № 1. – С. 78–86.
8. Слабоспицкий А.С. Международный опыт применения электронного правосудия // Сборник статей XII Междунар. экон. форума молодых ученых (Республика Беларусь, г. Минск, 11–12 октября 2019 г.). – Минск, 2019. – С. 42–48.
9. Гуреев В.А., Слабоспицкий А.С. Отдельные вопросы внедрения информационно-коммуникационных технологий в деятельность судов в контексте зарубежного опыта // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 10. – С. 72–75.

References

1. Gureev V.A., Slabospickii A.S. Elektronnye tekhnologii v sudebnoj sisteme Kanady // Vestnik ispolnitel'nogo proizvodstva. – 2020. – № 4. – S. 21–29.
2. Geier M.R., Geier D.A. Respiratory conditions in coronavirus disease 2019 (COVID-19): important considerations regarding novel treatment strategies to reduce mortality // Medical Hypotheses. – 2020.
3. Jiang X-Q., Mei X-D., Feng D. Air pollution and chronic airway diseases: what should people know and do? // Journal of Thoracic Disease. – 2016.
4. Cohen A.J., Brauer M., Burnett R., Anderson H.R., Frostad J., Estep K., Balakrishnan K., Brunekreef B., Dandona L., Dandona R., Feigin V., Freedman G., Hubbell B., Jobling A., Kan H., Knibbs L., Liu Y., Martin R., Morawska L., Pope 3rd C Arden, Shin H., Straif K., Shaddick G., Thomas M., Dingenen van R., Donkelaar van A., Vos Th., Murray J L Ch., Forouzanfar M.H. Estimates and 25-year trends of the global burden of disease attributable to ambient air pollution: an analysis of data from the Global Burden of Diseases Study 2015 // Lancet. – 2018.
5. Hasnain A., Hashmi M.Z., Bhatti U.A., Nadeem B., Wei G., Zha Y., Sheng Y. Assessment of air pollution before, during and after the COVID-19 pandemic lockdown in Nanjing, China // Atmosphere. – 2021.
6. Khan I., Shah D., Shah S.S. COVID-19 pandemic and its positive impacts on environment: an updated review // International Journal of Environmental Science and Technology. – 2021. – No. 18. – P. 521–530.
7. Slabospickii A.S. Sudebnaya sistema Singapura (opyt raboty v pandemiyu 2020 g.) // Vestnik Kazahskogo nacional'nogo universiteta. Seriya “Yuridicheskaya”. – 2021. – T. 97, № 1. – S. 78–86.

8. *Slabospickij A.S.* Mezhdunarodnyj opyt primeneniya elektronnoho pravosudiya // Sbornik statej XII Mezhdunar. ekon. foruma molodyh uchenyh (Respublika Belarus', g. Minsk, 11–12 oktyabrya 2019 g.). – Minsk, 2019. – S. 42–48.
9. *Gureev V.A., Slabospickij A.S.* Otdel'nye voprosy vnedreniya informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij v deyatel'nost' sudov v kontekste zarubezhnogo opyta // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. – 2019. – № 10. – S. 72–75.

УДК 347.4

О ПРАКТИКЕ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ О СУЩЕСТВЕННЫХ УСЛОВИЯХ ДОГОВОРА КУПЛИ-ПРОДАЖИ¹

Голышев Вадим Григорьевич¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: vadimgolyshev69@mail.ru,

Голышева Антонина Владимировна²,

канд. ист. наук, доцент,

e-mail: privatpravo@rambler.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Анализируется правоприменительная практика по вопросу определения существенных условий договора купли-продажи и иллюстрируется принятие судами противоположных решений по аналогичным правовым вопросам. Приводятся данные, подтверждающие не столько важность научной дискуссии по вопросу о перечне существенных условий договора купли-продажи вообще и отдельных его разновидностей в частности, сколько острую необходимость формирования позиции высшей судебной инстанции по данному вопросу и ее изложения в соответствующих актах судебной власти. В ходе краткого исследования авторы приходят к выводу о том, что правовое регулирование данного вопроса не лишено декларативных признаков у таких общеправовых принципов, как справедливость и законность. Это, в свою очередь, лишь подтверждает острую необходимость формирования позиции высших судебных инстанций по вопросу о перечне существенных условий договора купли-продажи и ее изложения в соответствующих актах судебной власти.

Ключевые слова: купля-продажа, существенные условия договора, судебное усмотрение, справедливость, законность

ON THE ISSUE OF THE PRACTICE OF APPLYING THE REGULATIONS OF THE RF CIVIL CODE ON THE ESSENTIAL TERMS OF THE SALE AGREEMENT

Golyshev V.G.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: vadimgolyshev69@mail.ru,

Golysheva A.V.²,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,

e-mail: privatpravo@rambler.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia,

²Moscow City University, Moscow, Russia

The article analyzes the law enforcement practice on the issue of determining the essential terms of the sale agreement and illustrates the adoption of opposite decisions on similar legal issues by the courts. The authors cite data confirming not so much the importance of scientific discussion on the list of essential terms of the sale agreement in general and its individual varieties in particular, as the urgent need to form the position of the highest court on this issue and its presentation in the relevant acts of the judiciary. In the course of a brief study the authors come to the conclusion that the legal regulation of this issue is not without declarative features in

¹ Работа подготовлена при информационной поддержке СПС «КонсультантПлюс». При написании статьи использованы авторские материалы публикации: Голышев В.Г., Голышева А.В. Об отдельных проблемах применения судами норм гражданского законодательства о существенных условиях договора купли-продажи // Юрист. – 2021. – № 10. – С. 21–24.

such general legal principles as justice and legality. Precisely this, in turn, confirms the urgent need to form the position of the highest judicial instances on the issue of the list of essential terms of the sale agreement and its presentation in the relevant acts of the judiciary.

Keywords: purchase and sale, essential terms of the contract, judicial discretion, justice, legality

DOI 10.21777/2587-9472-2022-2-26-29

Современная научная литература все чаще указывает на несовершенство судебной власти, подчеркивая ее неспособность обеспечивать преемственность правовых позиций в выносимых судебных решениях и иных актах. Так, в частности, в одних случаях речь идет о том, что «тезисы, сформулированные в Постановлении Пленума ВС РФ от 23.06.2015 г. № 25 "О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации"... представляют собой самостоятельное судебское правотворчество, нормы, не имеющие опоры ни в ГК РФ, ни в ГПК РФ, ни в АПК РФ, ни в других российских законах» [1]. В других же случаях прямо указывается на «кризис судебной власти, проявившийся в последние годы и связанный с вынесением несправедливых судебных актов...» [2].

Анализ судебной практики позволяет нам сделать вывод об уже сложившейся и ставшей привычной ситуации в правоприменении, когда позиции судов по сопоставимым вопросам не отличаются единообразием, а нередко они характеризуются как прямо противоположные. Такое положение дел вряд ли следует считать нормальным, особенно если это касается базовых положений гражданского законодательства, к которым мы относим, в частности, нормы о существенных условиях договора, поскольку именно они имеют первостепенное значение для каждого соглашения в силу своего образующего значения для данного юридического факта [3].

Вместе с тем анализ судебной практики показывает нам ее неустойчивость в этом вопросе. Речь в данном случае идет о том, что в ней отсутствует единое мнение как по вопросу необходимости включения того или иного условия в число существенных условий договора купли-продажи, так и по вопросу технологии согласования условий, считающихся существенными для конкретного вида купли-продажи.

В качестве примера, позволяющего продолжить дискуссию относительно цены договора, как существенного условия соглашения о купле-продаже, следует привести практику, когда в соответствии с одними судебными актами цена товара – существенное условие договора поставки¹, в то время как согласно другим судебным актам она не является существенным условием договора поставки и при ее отсутствии в договоре определяется в соответствии с п. 3 ст. 424 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ)².

Подобное положение дел, связанное с неопределенностью в вопросе необходимости отнесения условия о цене к числу существенных условий договора купли-продажи, зеркальным образом отражается и в юридической литературе. Так, например, согласно А.Е. Кирпичеву и В.А. Кондратьеву, условие о цене не относится к числу существенных условий договора купли-продажи [4]. В то же время, по мнению А.С. Мирончика и А.А. Боровкова, подкрепленному ссылкой на учебник по гражданскому праву³, цена названа законом существенным условием для договоров купли-продажи товара [5].

В соответствии с п. 1 ст. 432 ГК РФ к существенным относятся те условия, которые названы в законе или ином правовом акте либо как существенные, либо как необходимые для договоров данного вида. Если закон прямо указывает на перечень существенных условий, как это, например, имеет место в ст. 1016 ГК РФ «Существенные условия договора доверительного управления имуществом», то ситуация является очевидной и не требующей каких-либо дополнительных пояснений.

¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа по делу № А65-13649/2018: [от 25 февраля 2019 г. № Ф06-43804/2019]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.03.2022). – Текст: электронный; Постановление Федеральной антимонопольной службы Восточно-Сибирского округа по делу № А58-5980/10: [от 27 июня 2011 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 27.03.2022). – Текст: электронный.

² Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа по делу № А78-10105/2018: [от 17 декабря 2019 г. № Ф02-6025/2019]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.02.2022). – Текст: электронный; Постановление Президиума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации по делу № А76-5254/2001-7-276: [от 17 апреля 2002 г. № 10575/01]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.02.2022). – Текст: электронный.

³ Суханов Е.А. Гражданское право: учебник: в 4 т. – Москва, 2002. – Т. 2, полутом 1. – С. 165.

Что же касается указаний закона на необходимость того или иного условия для какого-либо договора, то в этом случае, напротив, ситуация не представляется нам прозрачной и всецело зависит от результатов толкования соответствующих норм не только рядовыми правоприменителями, но и судами.

В этой связи необходимо отметить, что поиск так называемых необходимых условий, по-видимому, должен осуществляться лишь в том массиве норм, которые регулируют соответствующий вид договорных обязательств. Допущение возможности их поиска за пределами данного массива способно, на наш взгляд, привести к опасности судебного произвола и дестабилизации правового регулирования договорных отношений. В этом случае как раз и должна проявиться стабилизирующая и направляющая роль судебной практики, обеспечивающая единообразное, правильное понимание и применение закона на территории нашей страны.

Вместе с тем можно констатировать, что в современном правоприменении не сложилось единого мнения не только по вопросу о наборе существенных условий договора купли-продажи, но и по вопросу технологии согласования существенных условий для договоров этого вида. Так, например, согласно одному подходу, существенные условия договора поставки могут быть согласованы сторонами в товарных накладных, содержащих ссылку на договор, если это предусмотрено договором⁴. В то же время, согласно другому подходу, существенные условия договора поставки могут быть согласованы сторонами в товарных накладных, содержащих ссылку на договор, даже если договором не предусмотрена возможность согласования таких условий в накладных⁵.

В этой связи можно привести еще несколько примеров. Например, в одних случаях при рассмотрении дел суды приходили к выводу о том, что существенные условия договора купли-продажи акций признаются согласованными, если они указаны в передаточном распоряжении⁶, однако в других же случаях позиция судов была противоположной и выражалась в том, что существенные условия договора купли-продажи акций не признаются согласованными, если они указаны в передаточном распоряжении⁷.

Подобный дуализм усматривается и в делах, при рассмотрении которых суды то приходили к мнению о том, что в случае, если предмет договора купли-продажи недвижимости определен в дополнительном соглашении, это свидетельствует о том, что предмет такого договора не согласован и последний является незаключенным⁸, то выражали иную позицию, согласно которой в случае, если предмет договора купли-продажи недвижимости определен в дополнительном соглашении, это не свидетельствует о том, что предмет такого договора не согласован и последний является незаключенным⁹.

Изложенное, на наш взгляд, подтверждает не столько важность научной дискуссии по вопросу о перечне существенных условий договора купли-продажи вообще и отдельных его разновидностей в частности, сколько острую необходимость формирования позиции высшей судебной инстанции по данному вопросу и ее изложения в соответствующих актах судебной власти.

⁴ Постановление Федеральной антимонопольной службы Уральского округа по делу № А71-2184/2009Г-27: [от 1 октября 2009 г. № Ф09-7378/09-С3]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.03.2022). – Текст: электронный; Определение Высшего Арбитражного суда Российской Федерации по делу № А56-3564/2010: [от 21 апреля 2011 г. № ВАС-4938/11]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.03.2022). – Текст: электронный;

⁵ Постановление Арбитражного суда Уральского округа по делу № А07-25249/2015: [от 5 сентября 2016 г. № Ф09-7812/16]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.03.2022). – Текст: электронный; Постановление Федеральной антимонопольной службы Волго-Вятского округа по делу № А82-991/2008-70: [от 1 декабря 2009 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.03.2022). – Текст: электронный;

⁶ Постановление Арбитражного суда Московского округа по делу № А41-47752/2017: [от 7 мая 2018 г. № Ф05-5325/2018]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.03.2022). – Текст: электронный; Постановление Федеральной антимонопольной службы Волго-Вятского округа по делу № А82-6149/2010: [от 22 марта 2011 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.03.2022). – Текст: электронный.

⁷ Постановление Федеральной антимонопольной службы Волго-Вятского округа по делу № А79-92/2009: [от 28 августа 2009 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.01.2022). – Текст: электронный; Постановление Первого арбитражного апелляционного суда по делу № А79-92/2009: [от 27 мая 2009 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.03.2022). – Текст: электронный;

⁸ Постановление Федеральной антимонопольной службы Волго-Вятского округа по делу № А17-1190,1191,1192,1193/2008: [от 16 декабря 2008 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 10.03.2022). – Текст: электронный.

⁹ Постановление Федеральной антимонопольной службы Западно-Сибирского округа по делу № А45-13673/05-1/382: [от 28 августа 2006 г. № Ф04-5538/2006(25939-А45-39)]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 16.03.2022). – Текст: электронный.

Вместе с тем необходимо отметить, что обеспечиваемая судебным усмотрением гибкость в применении права (в неочевидных с точки зрения закона случаях) может быть существенно скомпрометирована противоречивым решением суда по причине субъективизма выносящих его лиц. В свою очередь, такое положение дел автоматически ставит вопрос о справедливости и законности судебного вердикта.

Приведенные примеры, по нашему мнению, достаточно ярко иллюстрируют декларативную составляющую таких руководящих в правоприменении идей, как справедливость и законность, поскольку вряд ли можно утверждать, что данные принципы соблюдаются в условиях вынесения судами противоположных выводов по аналогичным правовым вопросам.

В этой связи уместно заметить, что нарушение принципа законности при применении юридических норм является основанием для отмены соответствующих судебных решений [6, с. 258; 7, с. 13–14; 8, с. 107–109], однако то, какие именно выводы судов из приведенных имеют перспективы считаться не соответствующими закону, непосредственно зависит от руководящей позиции высшего судебного органа, поскольку иной альтернативы неопределенным положениям правовых норм о существенных условиях договора купли-продажи в настоящее время нами не усматривается.

Список литературы

1. Белов В.А. «Двадцать пятое» Постановление Пленума: толкование или... законодательство? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2015. – № 11. – С. 53–90.
2. Свирин Ю.А. Влияние правовой позиции суда на цивилистические правоотношения и единообразие судебной практики // Современное право. – 2018. – № 4. – С. 63–67.
3. Гольшев В.Г., Гольшева А.В., Единак А.Ю. К вопросу о существенных условиях договора строительного подряда // Актуальные проблемы современного законодательства Российской Федерации: сб. ст. / под ред. О.В. Ефимовой, В.Г. Гольшева. – Москва, 2021. – С. 39–43.
4. Кирпичев А.Е., Кондратьев В.А. Буквальное толкование договора судом и квалификация опечаток в тексте договора // Вестник Арбитражного суда Московского округа. – 2019. – № 2. – С. 31–38.
5. Мирончик А.С., Боровков А.А. Неисполнение договорных обязательств как признак мошенничества в сфере предпринимательской деятельности // Журнал российского права. – 2017. – № 3. – С. 92–100.
6. Гольшев В.Г. К вопросу о системе и содержании принципов частного деликтного права // Вестник Московского государственного областного университета. – 2011. – № 1. – С. 257–261.
7. Волос А.А., Волос Е.П. Слабая сторона в гражданском правоотношении: сравнительно-правовое исследование: монография / под науч. ред. Е.В. Вавилина. – Москва: Проспект, 2019. – 184 с.
8. Волос А.А. Принципы-методы гражданского права и их система: монография / под ред. Е.В. Вавилина. – Москва: Юстицинформ, 2018. – 258 с.

References

1. Belov V.A. "Dvadcat' pyatoye" Postanovlenie Plenuma: tolkovanie ili... zakonodatel'stvo? // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. – 2015. – № 11. – S. 53–90.
2. Svirin Yu.A. Vliyaniye pravovoy pozitsii suda na civilisticheskie pravootnosheniya i edinoobrazie sudebnoj praktiki // Sovremennoye pravo. – 2018. – № 4. – S. 63–67.
3. Golshev V.G., Golsheva A.V., Edinak A.Yu. K voprosu o sushchestvennykh usloviyakh dogovora stroitel'nogo podryada // Aktual'nye problemy sovremennogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii: sb. st. / pod red. O.V. Efimovoy, V.G. Golsheva. – Moskva, 2021. – S. 39–43.
4. Kirpichev A.E., Kondrat'ev V.A. Bukval'noye tolkovaniye dogovora sudom i kvalifikatsiya opechatok v tekste dogovora // Vestnik Arbitrazhnogo suda Moskovskogo okruga. – 2019. – № 2. – S. 31–38.
5. Mironchik A.S., Borovkov A.A. Neispolneniye dogovornykh obyazatel'stv kak priznak moshennichestva v sfere predprinimatel'skoj deyatel'nosti // Zhurnal rossijskogo prava. – 2017. – № 3. – S. 92–100.
6. Golshev V.G. K voprosu o sisteme i soderzhanii principov chastnogo deliktного prava // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. – 2011. – № 1. – S. 257–261.
7. Volos A.A., Volos E.P. Slabaya storona v grazhdanskom pravootnoshenii: sravnitel'no-pravovoe issledovanie: monografiya / pod nauch. red. E.V. Vavilina. – Moskva: Prospekt, 2019. – 184 s.
8. Volos A.A. Principy-metody grazhdanskogo prava i ih sistema: monografiya / pod red. E.V. Vavilina. – Moskva: Yusticininform, 2018. – 258 s.

УДК 343.2

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ: ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Бадалянц Элеонора Юрьевна¹,

канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: kafupikr2011@mail.ru,

Мальцева Светлана Николаевна¹,

канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

Рассматриваются особенности освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Актуальность темы статьи предопределена значимостью института освобождения от уголовной ответственности в общем механизме реализации уголовной политики, которая основана на принципах справедливости и гуманизма. Гуманистические основы современной уголовной политики предполагают наличие механизмов освобождения виновных лиц от уголовной ответственности, а российская уголовная политика – наличие альтернативных привлечению к ответственности мер, среди которых освобождение от нее, в том числе на основании деятельного раскаяния. Целью является выявление законодательных пробелов и проблем реализации норм, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. В результате исследования сформулированы предложения по совершенствованию норм Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), регламентирующих основания освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием. Предлагается систематизировать нормы, позволяющие применять ч. 2 ст. 75 УК РФ, а ч. 2 ст. 75 УК РФ целесообразно дополнить указанием об обязательном освобождении от уголовной ответственности и перечнем статей Особенной части УК РФ, содержащих соответствующие примечания.

Ключевые слова: уголовное законодательство, освобождение от уголовной ответственности, деятельное раскаяние, возмещение ущерба, явка с повинной

ACTIVE REPENTANCE: LEGAL NATURE AND CRIMINAL LAW CHARACTERISTICS

Badalyants E.Yu.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: kafupikr2011@mail.ru,

Maltseva S.N.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, branch in Ryazan, Ryazan, Russia

The article describes the features of exemption from criminal liability due to the active repentance. The relevance of the topic of the article is predetermined by the significance of the institution of exemption from criminal liability in the general mechanism of the implementation of criminal policy, which is based on the principles of justice and humanism. The humanistic foundations of modern criminal policy presuppose the existence of mechanisms for the exemption of guilty persons from criminal liability, but the Russian criminal policy – the existence of alternative measures to bring to justice, including exemption from it, among other things, on the basis of active repentance. The purpose of the article is to identify legislative gaps and problems in the implementation of norms regulating exemption from criminal liability due to active repentance. As a result of the study, proposals were formulated to improve the norms of the Criminal Code of the Russian Federation regulating the grounds for

exemption from criminal liability due to active repentance. It is proposed to systematize the norms allowing the application of Part 2 of Article 75 of the Criminal Code of the Russian Federation, but Part 2 of Article 75 of the Criminal Code of the Russian Federation should be supplemented with an indication of mandatory exemption from criminal liability and a list of articles of the Special Part of the Criminal Code containing relevant notes.

Keywords: criminal legislation, exemption from criminal liability, active repentance, compensation for damages, admission of guilt

DOI 10.21777/2587-9472-2022-2-30-36

Лицо, совершившее преступление, обязано понести справедливое наказание, которое служит цели общей и частной превенции, а также исправлению виновного лица. Вместе с тем государство не ставит перед собой задачи применения крайних мер к лицам, преступившим закон. Гуманистические основы современной уголовной политики предполагают наличие механизмов освобождения виновных лиц не только от наказания, но и в целом от уголовной ответственности.

Освобождение лица от уголовной ответственности свидетельствует о решении государства не прибегать к применению репрессивной функции и предполагает, что лицо не представляет общественной опасности, а его исправление возможно и без применения уголовного наказания.

К настоящему времени в отечественной науке уголовного права сформировалось два основных подхода к правовой природе института освобождения от уголовной ответственности. Сущность первого подхода состоит в утверждении взаимосвязи освобождения от ответственности с освобождением лица от наказания. Такое утверждение базируется на том, что применение любого основания для освобождения от ответственности ведет к невозможности применения к лицу уголовного наказания. Второй подход предполагает частичное отрицание первого. Это отражается в констатации того, что освобождение человека, совершившего преступное деяние, от уголовной ответственности не составляет единства с освобождением от наказания, т.к. влечет за собой целый комплекс правовых последствий, в том числе отсутствие судимости [1, с. 36]. Данный подход видится более объективным, отражающим «масштабность» последствий для лица, освобождаемого от уголовной ответственности, хотя такие последствия и носят нереабилитирующий характер.

Действующее уголовное законодательство предусматривает общие и специальные основания освобождения от уголовной ответственности. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности содержатся в примечаниях к ряду статей Особенной части Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Выделим ряд признаков (условий), которые характерны для всех оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных УК РФ.

Во-первых, освобождению от уголовной ответственности подлежат лица, в деянии которых имеются признаки состава конкретного преступления. Без наличия состава преступления нет последствия – ответственности, соответственно, нет того, от чего будет освобождаться физическое лицо.

Во-вторых, применение института освобождения от уголовной ответственности имеет свои временные ограничения: лицо может быть освобождено от ответственности только до момента вынесения приговора. Это может произойти как на досудебной стадии уголовного процесса, так и на судебных стадиях, но только до момента вынесения судом приговора. Если приговор вынесен, то наступает стадия его исполнения, что свидетельствует уже о несении ответственности виновным лицом. В такой ситуации не представляется возможным применять институт освобождения.

В-третьих, ввиду того что человек не будет нести ответственности и в отношении него не будет обвинительного приговора, появляется еще один признак анализируемого института – отсутствие судимости. Лицо, в отношении которого принято уполномоченным субъектом (судом, следователем, дознавателем с согласия прокурора) решение об освобождении, считается не судимым.

В-четвертых, для освобождения от ответственности по любому основанию, предусмотренному УК РФ, необходима активность лица, совершившего преступление, по выполнению условий, которые содержит уголовное законодательство. Это может быть активное содействие раскрытию и расследованию преступления, а также активность в примирении с потерпевшим, возмещение ущерба и т.д.

Лицо, проявляющее пассивность в выполнении законодательно установленных условий, не позволяет уполномоченным субъектам принять решение об освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности.

Наличие оснований, определенных в законе, позволяет принять обоснованное, правомерное решение об освобождении лица, совершившего преступное деяние, от уголовной ответственности.

Остановимся более подробно на характеристике оснований и условий, наличие которых приводит к возможности освобождения лица от уголовной ответственности на основании ст. 75 УК РФ.

Например, деятельное раскаяние, предусмотренное ст. 75 УК РФ, является основанием для освобождения лица, совершившего преступление. Условия – это требования, выполнение которых позволяет принять процессуальное решение об освобождении лица, совершившего преступление, от уголовной ответственности (условия: явка лица с повинной, его раскаяние, его действия, способствующие раскрытию совершенного преступления, осуществление действий субъекта по возмещению того ущерба, который он причинил потерпевшему, плюс наличие того факта, что преступление совершено гражданином впервые, и т.д.).

Деятельное раскаяние как отдельный вид освобождения от уголовной ответственности имеет достаточно длительный путь своего исторического развития и законодательного регулирования, но до настоящего времени законодательное определение и признаки указанной категории имеют дискуссионный характер и активно обсуждаются современными специалистами и представителями научного сообщества.

По своему изначальному толкованию раскаяние состоит в признании ошибки своего поведения, совершенного поступка, а также в осознании того, что такой поступок недопустим и его не следовало совершать. Человек, раскаиваясь в чем-либо, задается вопросом «Зачем я это сделал? Лучше бы я этого не совершал». В таких размышлениях он испытывает абсолютно искреннее сожаление о случившемся.

В уголовно-правовом аспекте достаточно тяжело и проблематично установить наличие искренности в раскаянии, в связи с чем уголовно-правовой наукой и практикой применения выработаны критерии (признаки), наличие которых позволяет правоприменителю констатировать деятельное раскаяние и применять норму об освобождении от уголовной ответственности. Прежде чем анализировать признаки правовой категории, необходимо определиться с терминологией, изначальным понятием.

Формулировки деятельного раскаяния, предлагаемые современными исследователями, разнообразны, вместе с тем большинство из них содержат указание на то, что лицо, совершившее преступление, добровольно и активно уменьшает вредные последствия [2, с. 7].

Ю.Г. Следь и Р.И. Хабирова уточняют, что такое уменьшение вредных последствий состоит в возмещении потерпевшему лицу причиненного вреда (компенсации) и в активности раскаявшегося в направлении содействия в расследовании совершенного им преступления [3, с. 153].

Для применения ч. 1 ст. 75 УК РФ законодатель определил ряд требований к лицу, совершившему преступление: должно самостоятельно прийти в правоохранительные органы; должно прилагать усилия информационного характера, которые будут способствовать раскрытию совершенного им преступления и всему процессу расследования в рамках возбужденного уголовного дела; должно в полном объеме возместить ущерб, который причинен потерпевшему в результате его преступных действий (или преступного бездействия); освобождается от уголовной ответственности, если иным образом загладило вред, причиненный преступлением (оплата лечения, принесение извинений потерпевшему); вследствие деятельного раскаяния значительно снижается или исключается общественная опасность лица, совершившего преступление.

Вторая часть анализируемой статьи делает отсылку к примечаниям норм Особенной части, т.е. применима только к ситуациям совершения конкретного вида преступления. Например, примечание к ст. 338 УК РФ позволяет освободить от уголовной ответственности военнослужащего, который совершил дезертирство, если такое действие было вызвано стечением тяжелых обстоятельств.

Таким образом, ч. 2 ст. 75 УК РФ не содержит никаких дополнительных условий для освобождения лица и имеет отсылочный характер.

Отдельные исследователи обращают внимание на самостоятельность каждой из частей ст. 75 УК РФ. С.Х. Кумыков считает, что в ч. 2 ст. 75 УК РФ нет указания на необходимость соблюдения ус-

ловий деятельного раскаяния, предусмотренных в ч. 1 ст. 75 УК РФ, следовательно, положения ч. 2 ст. 75 УК РФ имеют абсолютно самостоятельный характер [4, с. 112].

Стечение тяжелых обстоятельств, о которых говорится в примечаниях к ст. 337 и 338 УК РФ, как отмечает И.Ю. Захарова, никак не относится к деятельному раскаянию, а освобождение военнослужащих от уголовной ответственности на основании примечаний к указанным статьям может и не сопровождаться тем, что субъекты будут как-то способствовать расследованию и характеризоваться как деятельно раскаявшиеся, т.е. утратившие свою общественную опасность [5, с. 219].

Аналогичную позицию занимают и другие исследователи, в том числе С.Ш. Вехова, обращающая внимание на то, что применение ч. 2 ст. 75 УК РФ не требует выполнения субъектом действий, перечисленных в содержании ч. 1 ст. 75 УК РФ [6, с. 116].

Явка с повинной является одним из основных условий и предполагает добровольную явку лица в правоохранительные органы с заявлением о совершенном им преступлении. Процессуальная сторона требует обязательного документального оформления явки с повинной.

Добровольность выступает требованием к признанию в действиях лица явки с повинной. Какое-либо принуждение к обращению в правоохранительные органы с сообщением о совершении преступления приводит к утверждению об отсутствии явки с повинной. Кроме того, явка с повинной не имеет места быть в той ситуации, когда субъект понимает, что уже правоохранительные органы имеют достаточную информацию о содеянном и избежать правовых последствий содеянного невозможно, соответственно, он принимает решение, что ему «выгоднее» заявить о явке с повинной.

Помимо добровольной явки с повинной деятельное раскаяние включает активность субъекта, проявляемую в направлении «помощи» правоохранительным органам. Субъект, совершивший общественно опасное деяние, должен проявить активность в содействии раскрытию и расследованию того преступления, которое он совершил. Активность может заключаться в предоставлении информации о том, каким образом было совершено преступление, каковы его мотивы и цели, кто способствовал подготовке к совершению преступного деяния, где спрятаны орудия и т.п. Если есть соучастники, то необходимо предоставить информацию и о них, в том числе об их местонахождении.

Следует отметить, что в отдельных примечаниях к статьям Особенной части УК РФ имеются конкретные законодательные указания относительно того, что должен сделать субъект, совершивший преступление, если он обнаруживает элементы деятельного раскаяния. Например, в примечании к ст. 228 УК РФ законодатель указал, что лицо, совершившее преступление, добровольно сдавшее предметы преступления, активно способствовавшее раскрытию или пресечению преступлений, связанных с незаконным оборотом, а также с незаконными приобретением, хранением, перевозкой указанных средств, веществ или их аналогов, изобличившее лиц, их совершивших, содействовавшее обнаружению имущества, добытого преступным путем, освобождается от уголовной ответственности за данное преступление.

Отсутствие намерений лица содействовать раскрытию преступления исключает возможность применения к нему ст. 75 УК РФ. Так, суд в своем приговоре указал, что в отношении обвиняемого отсутствуют основания применения положений ст. 75 УК РФ, т.к. гражданин Ч. не проявил намерений, в том числе, к раскрытию и расследованию преступления¹.

Одним из условий, необходимых для применения ст. 75 УК РФ, является возмещение причиненного ущерба. Субъект добровольно восстанавливает материальное положение потерпевшего, что может быть выражено в выплате денежных средств, которые позволят потерпевшему подтвердить, что имущественных претензий к виновному лицу он не имеет.

Совершение корыстного преступления либо иного преступления, в результате которого причинен материальный вред потерпевшей стороне, приводит к необходимости возмещения вреда в полном объеме. Такой вред может быть возмещен и без института деятельного раскаяния, когда потерпевший предъявляет гражданский иск. Если же реализуется институт деятельного раскаяния, то гражданский иск не заявляется, а размер возмещения вреда определяется потерпевшим либо самим субъектом, совершившим преступление. В любом случае в итоге потерпевшая сторона должна заявить об отсутствии

¹ Приговор Волгоградского областного суда по делу № 2-8/2020: [от 18 августа 2020 г.]. – URL: <http://www.sudact.ru/regular/doc/jtHKhdJZkhWt> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

имущественных претензий к субъекту и констатировать, что тот ущерб, который был причинен, возмещен в полном объеме.

Э.В. Густова и Е.И. Марков представляют следующие виды возможного возмещения ущерба, причиненного преступлением: во-первых, возврат в натуре того имущества, которое было преступным путем изъято у потерпевшего, например в случае кражи ювелирных украшений – их возврат потерпевшему; во-вторых, при невозможности возврата материальных ценностей либо при совершении преступления, не связанного с изъятием конкретного имущества, должна быть выплачена денежная компенсация причиненного ущерба; в-третьих, при повреждении имущества потерпевшего оно должно быть восстановлено. Например, при угоне транспортного средства преступник технически повредил угнанный автомобиль, соответственно, за свой счет он должен произвести ремонт данного транспортного средства [7, с. 54].

При возмещении ущерба в рамках деятельного раскаяния возможно сочетание различных возмещений из указанных ранее. Ущерб, причиненный в результате совершения преступления, достаточно объективен и его можно фактически установить. Например, стоимость ремонта автомобиля имеет конкретную оценку со стороны экспертов. Однако не каждое преступление влечет за собой фактические материальные потери для потерпевшего. В этом случае законодатель в ч. 1 ст. 75 УК РФ требует от субъекта заглаживания того вреда, который он причинил потерпевшему. Ущерб – материальные потери, а вред может иметь нематериальный характер и будет оцениваться иначе. Например, причинение морального вреда потерпевшему не несет в себе материального ущерба, но потерпевший испытывал психологические страдания, которые также должны иметь компенсационное возмещение.

Заглаживание причиненного вреда может иметь и нематериальный характер. Например, по делам о клевете (ст. 128.1 УК РФ), об оскорблении представителя власти (ст. 319 УК РФ) особое значение для потерпевшего имеют публичные извинения виновного лица, а если это клевета, то публичное опровержение той информации, которую изложил преступник, и опять же его извинения.

Данные условия в ч. 1 ст. 75 УК РФ перечислены через запятую, соответственно, они должны иметь место в совокупности. Только при таком условии возможно освобождение лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, что подтверждается и материалами судебной практики².

Справедливость указанного утверждения подтверждается и позицией Верховного Суда РФ, представленной в Постановлении, принятом Президиумом Верховного Суда РФ 1 июня 2005 г.³ (далее – Постановление). Исходя из Обзора, утвержденного Постановлением, следует очень справедливое утверждение о том, что наличие только лишь явки с повинной либо только лишь возмещения вреда и т.д. не позволяет расценивать действия лица как деятельное раскаяние, а может быть учтено судом только в качестве смягчающих обстоятельств при назначении уголовного наказания субъекту за совершенное им деяние.

Вывод о необходимости наличия всех без исключения условий, указанных в ч. 1 ст. 75 УК РФ, для освобождения лица от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием находит подтверждение и в иных актах Верховного Суда РФ.

При этом, рассматривая одну из кассационных жалоб, Верховный Суд РФ обратил внимание на то, что не только явка с повинной, способствование расследованию и возмещение вреда должны иметь место, но и фактическое деятельное раскаяние является обязательным условием для применения ч. 1 ст. 75 УК РФ. Если материалы дела не подтверждают утрату общественной опасности лица, то освобождение лица на основании ч. 1 ст. 75 УК РФ недопустимо⁴.

² Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ «Подсудимые активно способствовали раскрытию преступления, сообщив органам следствия неизвестные обстоятельства, подлежащие доказыванию, вину свою признали, чистосердечно раскаялись в содеянном, какого-либо ущерба от совершенного ими преступления не наступило, поэтому суд обоснованно пришел к выводу, что общественная опасность подсудимых отпала, имеются основания для освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием, поэтому уголовное дело правомерно прекращено»: [от 28 марта 2005 г. № 32-О05-6]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

³ Обзор судебной практики прекращения военными судами уголовных дел в связи с примирением с потерпевшим и деятельным раскаянием: [утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2005 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.02.2022). – Текст: электронный.

⁴ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации: [от 29 апреля 2009 г. № 16-О09-11]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

Подобная позиция поддерживается Верховным Судом РФ, что находит подтверждение в Постановлении Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2009 г.⁵, а также в п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19⁶. Суд может прийти к убеждению, что лицо утратило свою общественную опасность, только в том случае, если имели место факты, прямо свидетельствующие о добровольной явке с повинной лица, а также установлено, что лицо активно и в полной мере способствовало следствию в процессе расследования. Одним из значимых обстоятельств для принятия в конечном счете решения судом следует признать и наличие положительной характеристики лица. Именно наличие таких факторов указывается судами в качестве обоснования применения ст. 75 УК РФ⁷.

В завершение данного вопроса представляется важным кратко остановиться на разграничении деятельного раскаяния и добровольного отказа от совершения преступления, которые при определенной схожести имеют достаточно выраженные отличительные черты, в обобщенном виде представленные следующим образом: добровольный отказ возможен только на стадии неоконченного преступного деяния, в то время как деятельное раскаяние имеет место у субъекта после совершения преступления. На стадии приготовления, конечно, возможно деятельное раскаяние, но только в той ситуации, когда само такое приготовление содержит состав конкретного преступления. При добровольном отказе в действиях (бездействии) лица отсутствует состав преступного деяния, а при деятельном раскаянии имеет место состав конкретного преступления либо группы преступлений. При наличии добровольного отказа лицо не подлежит уголовной ответственности, в то время как деятельное раскаяние не приводит к безусловному освобождению от уголовной ответственности: согласно ч. 1 ст. 75 УК РФ лицо «может» быть освобождено от уголовной ответственности.

Деятельное раскаяние, как отмечают И.А. Левкова и А.В. Быканова, смягчает вину [8, с. 114]. Согласно Д.В. Ворониной, раскаяние признается смягчающим наказание обстоятельством [9, с. 100].

Несмотря на существенные различия между добровольным отказом и деятельным раскаянием следует признать их социальную значимость как институтов, стимулирующих либо отказаться от реализации своих преступных намерений (в случае добровольного отказа), либо помочь правоохранительным органам в расследовании и возместить добровольно причиненный вред потерпевшим (в случае деятельного раскаяния).

Исходя из изложенного следует вывод, согласно которому освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием возможно только в случае совершения лицом впервые преступления, относящегося к категории небольшой или средней тяжести. Деятельное раскаяние состоит в фактическом осознании противоправности и общественной опасности своего поведения, которое реализуется в выполнении лицом требований, предусмотренных ч. 1 ст. 75 УК РФ.

Множество норм, содержащихся в УК РФ, позволяющих применять ч. 2 ст. 75 УК РФ, требуют определенной систематизации. Целесообразно дополнить ч. 2 ст. 75 УК РФ указанием об обязательном освобождении от уголовной ответственности и перечнем статей Особенной части УК РФ, содержащих соответствующие примечания.

Список литературы

1. *Голендеева С.Д.* Понятие и правовая природа освобождения от уголовной ответственности // Юридический факт. – 2020. – № 98. – С. 36–37.
2. *Ендольцева А.В.* Институт деятельного раскаяния в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. – Москва, 2000. – 27 с.

⁵ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за III квартал 2009 г.: [утв. постановлением Президиума Верховного Суда Российской Федерации от 25 ноября 2009 г.] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2010. – № 2.

⁶ О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации: [от 27 июня 2013 г. № 19 (с изм. от 29 ноября 2016 г.)] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2013. – № 8.

⁷ Апелляционное постановление Костромского областного суда по делу № 22-733: [от 25 августа 2020 г.]. – <http://www.sudact.ru/regular/doc/bvV6oTHK8CYP> (дата обращения: 15.02.2022). – Текст: электронный.

3. *Следь Ю.Г., Хабирова Р.И.* Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности в УК РФ // Социально-экономические и технические системы: исследование, проектирование, оптимизация. – 2020. – № 1. – С. 151–158.
4. *Кумыков С.Х.* Освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 7. – С. 111–113.
5. *Захарова И.Ю.* Основания прекращения уголовного дела (уголовного преследования) в связи с деятельным раскаянием // Правовые аспекты национального строительства в России: история и современность: сб. тр. – Саранск: ЮрЭксПрактик, 2020. – С. 217–220.
6. *Вехова С.Ш.* Деятельное раскаяние как один из видов освобождения от уголовной ответственности: его правовое значение и специфика // Государствоведение в XXI в.: проблемы и перспективы развития: сб. тр. – Ростов-на-Дону, 2020. – С. 116–122.
7. *Густова Э.В., Марков Е.И.* Уголовно-правовая регламентация и реализация деятельного раскаяния как основания освобождения от уголовной ответственности // Российский юридический журнал. – 2020. – № 4. – С. 52–60.
8. *Левкова И.А., Быканова А.В.* Добровольный отказ от совершения преступления // Будущее науки-2019: сб. науч. ст. – Курск: Изд-во Юго-Западного государственного университета, 2019. – С. 113–115.
9. *Воронина Д.В.* Особенности квалификации преступлений при добровольном отказе от преступления // Актуальные вопросы и достижения современной науки: сб. тр. – Нефтекамск: Мир науки, 2020. – С. 98–101.

References

1. *Golendeeva S.D.* Ponyatie i pravovaya priroda osvobozhdeniya ot ugodovnoj otvetstvennosti // Yuridicheskij fakt. – 2020. – № 98. – S. 36–37.
2. *Endol'ceva A.V.* Institut deyatel'nogo raskayaniya v ugodovnom pra-ve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.08. – Moskva, 2000. – 27 s.
3. *Sled' Yu.G., Habirova R.I.* Deyatel'noe raskayanie kak osnovanie osvobozhdeniya ot ugodovnoj otvetstvennosti v UK RF // Social'no-ekonomicheskie i tekhnicheskie sistemy: issledovanie, proektirovanie, optimizaciya. – 2020. – № 1. – S. 151–158.
4. *Kumykov S.H.* Osvobozhdenie ot ugodovnoj otvetstvennosti v svyazi s deyatel'nym raskayaniem // Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya. – 2015. – № 7. – S. 111–113.
5. *Zaharova I.Yu.* Osnovaniya prekrashcheniya ugodovnogo dela (ugodovnogo presledovaniya) v svyazi s deyatel'nym raskayaniem // Pravovye aspekty nacional'nogo stroitel'stva v Rossii: istoriya i sovremennost': sb. tr. – Saransk: YurEksPraktik, 2020. – S. 217–220.
6. *Vekhova S.Sh.* Deyatel'noe raskayanie kak odin iz vidov osvobozhdeniya ot ugodovnoj otvetstvennosti: ego pravovoe znachenie i specifika // Gosudarstvovedenie v XXI v.: problemy i perspektivy razvitiya: sb. tr. – Rostov-na-Donu, 2020. – S. 116–122.
7. *Gustova E.V., Markov E.I.* Ugodovno-pravovaya reglamentaciya i realizaciya deyatel'nogo raskayaniya kak osnovaniya osvobozhdeniya ot ugodovnoj otvetstvennosti // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. – 2020. – № 4. – S. 52–60.
8. *Levkova I.A., Bykanova A.V.* Dobrovol'nyj otkaz ot soversheniya prestupleniya // Budushchee nauki-2019: sb. nauch. st. – Kursk: Izd-vo Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta, 2019. – S. 113–115.
9. *Voronina D.V.* Osobennosti kvalifikacii prestuplenij pri dobrovol'nom otkaze ot prestupleniya // Aktual'nye voprosy i dostizheniya sovremennoj nauki: sb. tr. – Neftekamsk: Mir nauki, 2020. – S. 98–101.

УДК 343.1

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ЛИЦА, С КОТОРЫМ ЗАКЛЮЧЕНО ДОСУДЕБНОЕ СОГЛАШЕНИЕ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ

Гусева Наталья Николаевна¹,

канд. юрид. наук,

e-mail: fialka88-64@yandex.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Исследуется правовое положение подозреваемого (обвиняемого), с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, т.к. анализ практики реализации норм не дает основания полагать, что многогранность процессуального положения рассматриваемого субъекта в полной мере учитывается. Вместе с этим наличие у него заинтересованности в исходе предварительного расследования порождает вопросы о том, какой эффект с учетом изменений, внесенных в действующее законодательство, может быть достигнут. Лицо должно четко понимать, в качестве кого оно будет выступать по конкретному уголовному делу, следовательно, отсутствие возможности получить разъяснения относительно его прав, обязанностей и ответственности за нарушение установленных требований может привести к нарушению прав других участников уголовного судопроизводства. Рассматривается взаимозависимость прав и обязанностей указанного лица с правовыми гарантиями других участников уголовного судопроизводства, приводится обоснование необходимости урегулирования ряда правовых вопросов с целью устранения возможных негативных последствий правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: правовое положение, досудебное соглашение о сотрудничестве, выделение материалов уголовного дела, гарантии правового положения

SOME FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF A PERSON IN RESPECT OF WHOM A PRE-TRIAL AGREEMENT ON COOPERATION IS CONCLUDED

Guseva N.N.¹,

Candidate of Legal Sciences,

e-mail: fialka88-64@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The article describes the legal status of the suspect (accused), with whom a pre-trial agreement has been concluded on cooperation, since the analysis of the practice of implementing the norms does not give reason to believe that the versatility of the procedural position of the subject in question is fully taken into account. However, his interest in the outcome of the preliminary investigation raises questions about what effect can be achieved, taking into account the changes made to the current legislation. A person must clearly understand in what capacity he will act in a particular criminal case. Therefore, the lack of an opportunity to obtain clarifications regarding his rights, obligations and liability for violation of established requirements may lead to a violation of the rights of other participants in criminal proceedings. The article also pays attention to the consideration of the interdependence of the rights and obligations of the specified person with the legal guarantees of other participants in criminal proceedings and the rationale for the need to resolve a number of legal issues in order to eliminate possible negative consequences of law enforcement activities.

Keywords: legal status, pre-trial agreement on cooperation, separation of materials of a criminal case, guarantees of a legal status

DOI 10.21777/2587-9472-2022-2-37-40

Соблюдение правовых гарантий участников уголовного судопроизводства является основой надлежащего функционирования всей системы права государства, однако данный процесс невозможен без баланса взаимосвязи прав и обязанностей лиц, вовлеченных в сферу уголовно-процессуальной деятельности, иными словами, реализация прав одним лицом не должна противоречить, а тем более нарушать права другого.

Федеральным законом РФ от 30 октября 2018 г. № 376-ФЗ в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации¹ (далее – УПК РФ) введена новая ст. 56.1 «Лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве». Анализ практики реализации принятой нормы дает основания полагать, что внесенные изменения должным образом не учитывают многогранность процессуального положения рассматриваемого субъекта, кроме того, наличие у него заинтересованности в исходе предварительного расследования порождает новые вопросы об эффективности и рациональности данных положений.

С целью поиска путей урегулирования обозначенных вопросов и выявления несоответствия между фактическим и юридическим положением указанного субъекта правоотношений, необходимо рационально оценить комплекс прав и обязанностей данного лица и его взаимосвязь с правами других участников уголовного судопроизводства.

Пункт 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ регламентирует порядок выделения в отдельное производство материалов дела, содержащих информацию о сотрудничающем лице, после заключения с ним досудебного соглашения о сотрудничестве. В дальнейшем, в соответствии со ст. 56.1 УПК РФ, лицо допрашивается по основному уголовному делу и перед проведением допроса ему не разъясняются положения ст. 307 и 308 Уголовного кодекса РФ, в соответствии с которыми наступает ответственность за отказ от дачи показаний, а также за предоставление заведомо ложной информации.

При таком подходе возможна ситуация, когда лицо, заключившее соглашение о сотрудничестве, с целью снижения размера уголовного наказания будет пытаться оговорить своих подельников и, соответственно, предоставить информацию в рамках уголовного дела, уровень достоверности которой может не соответствовать предъявляемым требованиям [1, с. 42].

Следует отметить, что положения, исключающие ответственность сотрудничающего лица за дачу заведомо ложных показаний, а также за отказ от дачи показаний, являются наиболее спорными. С точки зрения науки и практики, перед допросом лицо должно четко понимать, в качестве кого оно будет допрошено по конкретному уголовному делу, соответственно, ему должны быть разъяснены все права, обязанности и ответственность за нарушение установленных требований, т.к., по мнению О.А. Зелениной, субъект должен четко представлять объем своих прав и обязанностей, объем и характер возможных негативных последствий, к которым может привести неисполнение обязанностей, и на основе этого выстраивать стратегию и тактику своего поведения в ходе производства предварительного расследования. Автор полагает, что недостаточно четкое закрепление границ субъективного права затрудняет его понимание [2, с. 8].

Противоположную точку зрения высказывает К.Ф. Багаутдинов, который считает, что перед проведением допроса в рамках основного уголовного дела предупреждение обвиняемого (подозреваемого), с которым заключено соглашение о сотрудничестве, о наступлении ответственности за предоставление заведомо недостоверных сведений, а также за отказ в предоставлении информации не предопределяет оценку данных им показаний в качестве недопустимых доказательств. Кроме того, по мнению автора, дача показаний лицом вытекает не из процессуального статуса свидетеля, а из условий досудебного соглашения о сотрудничестве [3, с. 41].

Вместе с тем, исключая возможность наступления ответственности для сотрудничающего лица за дачу заведомо ложных показаний, а также за отказ от дачи показаний, законодатель ограничивает права и гарантии презумпции невиновности лица, в отношении которого даются эти показания, а также ставит под сомнение допустимость доказательств, полученных таким способом [3, с. 42], т.к. лицо, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: [от 18 декабря 2001 г. (в ред. от 30 декабря 2021 г.)]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.02.2022). – Текст: электронный.

досудебного соглашения о сотрудничестве, фактически приобретая статус «свидетеля» по основному уголовному делу, является лицом, заинтересованным в его исходе [4, с. 5].

Заметим, что в соответствии с положениями действующего законодательства свидетелем по уголовному делу является лицо, не имеющее заинтересованности в исходе предварительного расследования, в связи с чем говорить о том, что у лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, данный интерес отсутствует, мы не можем.

Следует отметить, что, с точки зрения содержательного наполнения, правовое положение свидетеля кардинально отличается от положения подозреваемого (обвиняемого), заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве. Обосновать данный вывод можно следующей точкой зрения: «Предъявленное такому лицу обвинение фактически идентично обвинению его соучастников, проходящих по основному делу, поэтому обстоятельства, о которых это лицо дает показания по делу соучастников, ничем не отличаются от обстоятельств выделенного в отношении него дела, то есть лицо является таким же обвиняемым, как и его соучастники, с той лишь разницей, что их дела попросту разделены между собой и вместо одного судебного заседания проводится несколько» [5, с. 55].

С.А. Пивень отмечает, что наличие у такого лица собственного интереса по рассмотрению основного дела подтверждает то, что «свидетелем» по этому делу он как раз не является. Следовательно, информация, полученная от него в качестве «свидетеля» на предварительном следствии, на законных основаниях может быть отнесена к разряду недопустимых доказательств, поскольку является информацией, полученной не от свидетеля, а от подозреваемого (обвиняемого), а проведение его допроса в качестве свидетеля в ходе судебного заседания по основному делу не соответствует предъявляемым требованиям [5, с. 56].

Содержательным, с точки зрения рассмотрения обозначенной коллизии, является мнение О.А. Зелениной, которая полагает, что «статусные права и обязанности участников уголовного процесса взаимозависимы и коррелятивны, процессуальному праву одного субъекта корреспондирует процессуальная обязанность другого субъекта. Каждый участник производства по уголовному делу оценивает целесообразность собственных, будущих процессуальных действий и принимает внутреннее решение относительно своего дальнейшего процессуального поведения, исходя из собственных процессуальных интересов» [2, с. 9]. В связи с этим вопрос о достоверности показаний лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве (данных в качестве свидетеля), остается открытым и требующим внимания со стороны законодателя с учетом опыта и требований правоприменительной практики.

На основе анализа правовых норм и позиций ученых считаем возможным перечислить рассмотренные нами процессуальные условия реализации лицом, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, своих прав и обязанностей как участника уголовного судопроизводства в качестве особенностей его правового положения.

1. Особым условием является факт выделения в отдельное производство в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 154 УПК РФ уголовного дела в отношении подозреваемого или обвиняемого, с которым прокурором заключено соглашение о сотрудничестве [6, с. 141]. Материалы уголовного дела в отношении указанного субъекта правоотношений выделяют в отдельное производство с целью ограничения доступа третьих лиц к информации об его личности, а также отдельного и оперативного производства предварительного расследования [7, с. 53].

2. Особым условием является двойственность правового положения сотрудничающего лица, которое фактически является одним из обвиняемых по основному уголовному делу, а также одновременно по нему же свидетелем обвинения.

3. Особым условием правового положения лица, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве, является рассмотрение судом уголовного дела, выделенного в отдельное производство, в отношении указанного лица, в особом порядке и в более короткие сроки, по сравнению с материалами основного уголовного дела, в соответствии с нормами гл. 40.1 УПК РФ [8, с. 112].

Полагаем, что правовая регламентация процессуального положения лица, в отношении которого уголовное дело выделено в отдельное производство в связи с заключением с ним досудебного соглашения о сотрудничестве, нуждается во взаимосвязи прав и обязанностей данного субъекта правоотно-

шений с объемом прав и обязанностей других участников уголовного судопроизводства. Это возможно при реализации рационального подхода путем анализа и совершенствования положения данного лица как участника уголовного судопроизводства.

Список литературы

1. Гусева Н.Н. Процессуальное обеспечение безопасности лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Москва, 2018. – 195 с.
2. Зеленина О.А. Процессуальный статус участника уголовного судопроизводства и его изменение в досудебном производстве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Москва, 2004. – 24 с.
3. Багаутдинов К.Ф. Некоторые вопросы процессуального статуса лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве, при допросе в суде по уголовному делу в отношении его соучастников // Российская юстиция. – 2019. – № 1. – С. 40–44.
4. Карпов О.В., Маслов И.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве: проблемы правового регулирования и вопросы порядка применения // Уголовный процесс. – 2009. – № 9. – С. 3–7.
5. Пивень С.А. Правовой статус лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Уголовный процесс. – 2013. – № 6. – С. 52–56.
6. Гусева Н.Н. Вопросы регламентации правового положения лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Вестник Московского университета МВД России. – 2017. – № 4. – С. 138–142.
7. Куцова Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1972. – 114 с.
8. Голубовский В.Ю., Гусева Н.Н. К вопросу о выделении уголовного дела в отношении лица, заключившего досудебное соглашение о сотрудничестве // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2014. – № 4. – С. 112–114.

References

1. Guseva N.N. Processual'noe obespechenie bezopasnosti lica, zaklyuchivshogo dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. – Moskva, 2018. – 195 s.
2. Zelenina O.A. Processual'nyj status uchastnika ugovnogo sudoproizvodstva i ego izmenenie v dosudebno proizvodstve: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. – Moskva, 2004. – 24 s.
3. Bagautdinov K.F. Nekotorye voprosy processual'nogo statusa lica, zaklyuchivshogo dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve, pri doprose v sude po ugovnomu delu v otnoshenii ego souchastnikov // Rossijskaya yusticiya. – 2019. – № 1. – S. 40–44.
4. Karpov O.V., Maslov I.V. Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: problemy pravovogo regulirovaniya i voprosy poryadka primeneniya // Ugolovnyj process. – 2009. – № 9. – S. 3–7.
5. Piven' S.A. Pravovoj status lica, zaklyuchivshogo dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve // Ugolovnyj process. – 2013. – № 6. – S. 52–56.
6. Guseva N.N. Voprosy reglamentacii pravovogo polozheniya lica, zaklyuchivshogo dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2017. – № 4. – S. 138–142.
7. Kucova E.F. Garantii prav lichnosti v sovetskom ugovnom processe. – Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta, 1972. – 114 s.
8. Golubovskij V.Yu., Guseva N.N. K voprosu o vydelenii ugovnogo dela v otnoshenii lica, zaklyuchivshogo dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve // Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. – 2014. – № 4. – S. 112–114.

УДК 343.21

О РЕГУЛЯТИВНЫХ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ИХ ЭЛЕМЕНТАХ

Епифанов Олег Станиславович¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: yepifanov62@yandex.ru,

¹Московский университет им. С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

Целью работы является исследование регулятивных уголовно-правовых отношений и их элементов как дискуссионной категории в теории уголовного права. Актуальность темы определяется наличием различных мнений ученых на сущность и содержание регулятивных уголовно-правовых отношений, их соотношением с уголовно-правовыми отношениями и уголовной ответственностью. При изучении проблемы использовались общенаучные и частнонаучные методы исследования: диалектический, формально-логический, системно-структурный. Анализируются история вопроса о признании регулятивных уголовно-правовых отношений в общей теории права и теории уголовного права, вклад отдельных ученых в разработку ее концепции. Исследуется момент начала возникновения уголовно-правовых отношений, а также их связь с фактом издания и действия уголовно-правовых норм, приводится характеристика данных отношений с точки зрения их классификации в теории права. Рассматриваются элементы структуры регулятивных уголовно-правовых отношений (объект, субъекты, содержание), определяется их взаимосвязь с позитивной уголовной ответственностью и уголовно-правомерным поведением, высказывается авторское мнение по рассматриваемым вопросам.

Ключевые слова: регулятивные уголовно-правовые отношения, уголовно-правомерное поведение, уголовно-правовая норма, запрет, обязанность, правомочие, правоотношение

ON REGULATORY CRIMINAL-AND-LEGAL RELATIONS AND ITS ELEMENTS

Yepifanov O.S.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: yepifanov62@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, branch in Ryazan, Ryazan, Russia

The purpose of the work is to study regulatory criminal-and-legal relations and its elements as a debatable category in the theory of criminal law. The relevance of the topic is determined by the presence of different opinions of scientists on the essence and content of regulatory criminal-and-legal relations, their relationship with criminal law relations and criminal liability. During the study of the issue, general scientific and private scientific research methods were used: dialectical, formal-logical, system-structural. The article analyzes the history of the issue of regulatory criminal-and-legal relations recognition in the general theory of law and the theory of criminal law, the contribution of individual scientists to the development of its concept. The article examines the moment of the initial emergence of these legal relations and their connection with the fact of publication and operation of criminal law norms, the characteristics of these legal relations from the point of view of their classification in the theory of law. The elements of the structure of regulatory criminal law relations (object, subjects, content) are considered, their relationship with positive criminal responsibility and criminal law behavior is determined, the author's opinion on the issues under consideration is expressed.

Keywords: regulatory criminal-and-legal relations, criminal lawful behavior, criminal law norm, prohibition, obligation, authority, legal relationship

DOI 10.21777/2587-9472-2022-2-41-46

В российской научной литературе в области общей теории права и теории уголовного права вопрос о признании регулятивных уголовно-правовых отношений как общих правовых связей, возникающих на основании действия уголовно-правовых норм и проявляющихся в уголовно-правомерном поведении личности, до настоящего времени является дискуссионным.

Такие ученые в сфере теории права и теории уголовного права, как А.В. Барков, С. Боронбеков, А.Ф. Зелинский, В.В. Лазарев, Я.О. Мотовиловкер, А.В. Наумов, Ю.С. Решетов, Б.Т. Разгильдиев, А.И. Санталов, Р.О. Халфина, Л.С. Явич и другие, утверждают, что существуют только охранительные уголовно-правовые отношения, возникающие по поводу и в связи с совершением преступления. Согласно их точке зрения, регулятивных уголовно-правовых отношений нет, а реализация уголовно-ответственными лицами запретов и обязанностей, установленных нормами уголовного закона, осуществляется за пределами (помимо, вне) уголовно-правовых отношений (охранительных).

На других позициях стоят С.С. Алексеев, З.А. Астемиров, Н.А. Беляев, А.И. Бойцов, П. Бояджиев, А.В. Грошев, В.А. Елеонский, М.И. Ковалев, Н.М. Кропачев, Н.И. Матузов, Б.Л. Назаров, Н.А. Огурцов, В.С. Прохоров, Т.Н. Радько, Б.Т. Разгильдиев, А.Н. Тарбагаев, А.А. Чистяков, П.С. Элькинд, Б.В. Яценко и другие исследователи, которые не только допускают, но и во многих случаях аргументированно обосновывают существование регулятивных уголовно-правовых отношений.

Идея общерегулятивных (регулятивных) правоотношений возникла в общей теории права в начале 60-х гг. XX в. Их наличие поддержали в своих работах С.С. Алексеев, Н.Г. Александров, Н.И. Матузов, Б.Л. Назаров, Т.Н. Радько, И.Ф. Рябко, И. Сабо, И.Н. Фарбер и др. По их мнению, общие правоотношения являются правовыми связями, основанными на общих правах и обязанностях, субъекты которых поименно не индивидуализированы и ими выступают все субъекты правовой системы. Положение каждого субъекта отличается особым юридическим состоянием, а также они находятся в специфическом положении ко всем другим лицам.

Теория существования общерегулятивных (регулятивных) правоотношений была поддержана и в науке уголовного права. На начальном этапе ее развития сторонниками этой теории выступали З.А. Астемиров, В.А. Елеонский, С.Г. Келина, Н.А. Огурцов, В.Г. Смирнов и др. Развитие науки уголовного права позволило сформулировать вывод о том, что уголовный закон не только охраняет (регулирует) общественные отношения, но и оказывает воздействие на всю систему охраняемых общественных отношений.

Большой вклад в идею существования регулятивных уголовно-правовых отношений внесли такие ученые, как Н.М. Кропачев, В.С. Прохоров и А.Н. Тарбагаев, которые поддержали и развили ее, подробно исследовав в рамках механизма уголовно-правового регулирования в своей фундаментальной монографии [1]. Кроме того, у данных авторов имеются самостоятельные комплексные и системные исследования, посвященные вопросам, связанным с регулятивными уголовно-правовыми отношениями. В своих научных работах они последовательно и аргументированно критикуют оппонентов и доказывают несомненное существование рассматриваемых правоотношений [2; 3].

Мы также являемся сторонниками существования регулятивных уголовно-правовых отношений. Факт издания уголовно-правовых норм и реализация «всеми и каждым», кто подпадает под действие их правомочий, обязанностей и запретов создают конкретные абсолютные регулятивные уголовно-правовые отношения. Правоотношения являются абсолютными потому, что конкретно определена сторона – носитель субъективного права. Это государство, которое вправе требовать от индивидуально неопределенных лиц, подпадающих под действие уголовно-правовых норм, уголовно-правомерного поведения. В свою очередь, эти лица обязаны воздержаться от уголовно-противоправных действий. В целом, эти правоотношения – пассивного типа, т.к. у государства есть право (и обязанность) требовать соблюдения уголовно-правовых запретов, а все лица, подпадающие под действие уголовно-правовых норм, обязаны воздерживаться от совершения преступлений. При таком взгляде действие уголовно-правовых норм нельзя сводить только к применению, т.к. оно проявляется в использовании правомочий, исполнении обязанностей, соблюдении запретов гражданами.

С момента издания и действия нормы уголовного права появляется правовая связь между государством и личностью, а также правовые связи между отдельными личностями. При этом в теории права и теории уголовного права общепризнанно, что всякие правовые связи являются правовыми отношениями.

Таким образом, государство и личность находятся в уголовно-правовых отношениях между собой, которые при правомерном поведении личности можно назвать регулятивными. С момента совершения преступления и привлечения виновного лица к уголовной ответственности возникает охранительное уголовно-правовое отношение, сам процесс реализации которого происходит в «рамках» регулятивных уголовно-правовых отношений.

Уголовный закон регулирует отношения не только между государством и личностью, но и личностей друг с другом в процессе их деятельности и общения. Устанавливая уголовно-правовые правомочия, обязанности и запреты, государство тем самым регулирует общественные отношения в области предмета уголовно-правовой охраны. При этом права и обязанности государства и личности взаимно корреспондированы, государство имеет право требовать соблюдения известного поведения, а лица, подпадающие под действие уголовно-правовых норм, обязаны соотносить свое поведение с уголовно-правовыми обязанностями и запретами. Вместе с тем лица, подпадающие под действие уголовно-правовых норм, вправе поступать любым образом, за исключением запрещенного уголовным законом поведения.

Мы не в полной мере согласны с точкой зрения, согласно которой само издание уголовного закона является юридическим фактом, влекущим возникновение данных правоотношений [4, с. 38; 5, с. 96]. Оно (издание нормы уголовного закона) содержит лишь юридическую возможность возникновения регулятивного уголовно-правового отношения [6, с. 13]. Однако ни одно юридическое последствие непосредственно из нормы права, в том числе нормы уголовного права, не вытекает, поскольку необходимы конкретные жизненные обстоятельства, предусмотренные правовыми нормами, – юридические факты¹. Юридическим фактом, т.е. реальным жизненным обстоятельством в рассматриваемом нами случае, будет реальное уголовно-правомерное или уголовно-противоправное (преступное) поведение. Со вступлением в действие норм уголовного закона возникает возможность возникновения, изменения или прекращения правоотношений, а нормы указывают на жизненные ситуации, реальное наступление которых будет тем юридическим фактом, который порождает регулятивные уголовно-правовые отношения.

Таким образом, реальное уголовно-правомерное поведение уголовно ответственных лиц будет тем юридическим фактом, в связи с которым возникают регулятивные уголовно-правовые отношения. Если субъект отказывается от противоправных (преступных) действий, перечисленных в гипотезах запрещающих уголовно-правовых норм, исполняет уголовно-правомерные обязанности обязывающих норм, использует предоставленные ему уголовно-правовые правомочия (право на необходимую оборону, крайнюю необходимость и другие), не превышая пределов этих прав, то такое поведение будет уголовно-правомерным. Данное поведение является целью издания уголовно-правовых норм, уголовного закона.

Обстоятельством, влекущим возникновение регулятивных уголовно-правовых отношений, является достижение возраста уголовной ответственности (14–16 лет), а также обстоятельства времени, места, обстановки, взаимоотношения с другими лицами и др.

Рассматривая структуру регулятивного уголовно-правового отношения, можно сказать, что оно, как и охранительное уголовное правоотношение, имеет такие элементы, как объект, субъекты и содержание.

Исходя из положений общей теории права, регулятивные уголовно-правовые отношения в целом следует отнести, как мы уже отмечали, к правоотношениям пассивного типа, где одной стороне (государству) предоставлено право требовать известного правомерного поведения, а все другие лица, к которым обращено это требование, обязаны воздержаться от преступных действий. В данном правоотношении, согласно положениям общей теории права, объектом будет объект права, т.е. нематериальное благо, на которое направлены положительные действия государства.

В рассматриваемых нами правоотношениях положительные действия государства, главным образом в лице его правоохранительных органов, направлены на требование уголовно-правомерного поведения. Субъективные юридические права, законные интересы и обязанности участников регулятивного уголовно-правового отношения также направлены на этот вариант поведения. Соответственно, можно сделать вывод о том, что именно уголовно-правомерное поведение лица является тем наличным, существующим в данный момент благом.

¹ Общая теория права: в 2 т. / С.С. Алексеев. – Москва: Юрид. лит., 1982. – Т. 2. – С. 13.

Важно заметить, что с объектом регулятивного уголовно-правового отношения не следует путать объект уголовно-правового регулирования, т.е. общественные отношения, поставленные под охрану уголовным законом.

Уголовно-правомерное поведение является материальным содержанием правоотношения, соответственно, особенностью регулятивного уголовно-правового отношения будет то, что его объект (уголовно-правомерное поведение) сливается с материальным содержанием этого правоотношения. Данное поведение представляет собой осознанную, целенаправленную, волевою деятельность по реализации предписаний уголовно-правовых норм. Большинство деяний в правовой сфере составляют уголовно-правомерные поступки. Об уголовно-правомерном деянии можно говорить, если действия лица совпадают с моделью, заложенной в уголовно-правовой норме, которая служит критерием и основанием такого поведения.

Уголовно-правомерное поведение может быть как желательным и необходимым, так и социально допустимым. Необходимое и желательное поведение стимулируется государством с помощью поощрительных, управомочивающих норм уголовного права.

Говоря о субъектах регулятивного уголовно-правового отношения, следует отметить, что одним из них является государство. Именно от него исходят уголовно-правовые нормы (нормы уголовного закона), общеобязательные для всех участников уголовно-правовых отношений требования, которые опираются на возможности уголовно-правового принуждения. Устанавливая уголовно-правовую охрану определенных общественных отношений от преступных посягательств, определяя то, какие поступки являются уголовно-правомерными, а какие – уголовно-противоправными, государство тем самым регулирует поведение участников этих общественных отношений, создает предпосылки для установления уголовно-правового порядка.

Другим субъектом регулятивных уголовно-правовых отношений выступает физическое, вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Так, в ст. 19 Уголовного кодекса РФ говорится, что «уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом». Именно человек обладает сознанием и волей, позволяющей ему отвечать за свои поступки, осознанно и целенаправленно вступать в отношения с другими людьми. Физическое лицо должно быть вменяемым, т.е. отдавать отчет своим действиям и руководить ими.

Еще одним признаком субъекта регулятивных уголовно-правовых отношений является достижение возраста уголовной ответственности. По общему правилу уголовная ответственность наступает с 16-летнего возраста. Запрет на совершение некоторых уголовно-противоправных деяний, общественная опасность которых является более высокой и которые специально указаны в законе, действует для лиц, достигших 14-летнего возраста.

Под содержанием правоотношений понимаются права и обязанности, предусмотренные нормами права, поведение субъектов правоотношения, юридические права, обязанности и поведение. В реальном правоотношении существует единство юридического (права и обязанности) и материального (поведение) содержания. На основании этого можно лишь теоретически различать юридическое и материальное содержание, в фактическом правоотношении они сливаются, тесно переплетаются, существуют друг с другом, взаимодействуют.

Содержанием регулятивных уголовно-правовых отношений будет право (и обязанность) требования уголовно-правомерного поведения (со стороны государства) и обязанность (со стороны личности) воздержаться от совершения деяний, содержащих признаки состава преступления, использование прав на совершение правомерных поступков, исключающих преступность деяния и освобождающих от уголовной ответственности [7, с. 16–17].

Обязанность лица воздержаться от совершения общественно-опасных действий состоит в необходимости пассивного поведения, т.е. поведения, которое соответствовало бы предписанию уголовно-правовых норм. В данном случае обязанность воздержаться от совершения преступления носит ограничительную роль и реализуется в регулятивном уголовно-правовом отношении пассивного типа. Возложение обязанности воздерживаться от совершения преступления создает юридические предпосылки (условия) для того, чтобы управомоченный субъект (государство) смог совершать дозволенные ему положительные действия.

Регулятивные уголовно-правовые отношения складываются из индивидуальных регулятивных уголовно-правовых отношений, которые в своей совокупности образуют содержание общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Права и обязанности в регулятивных уголовно-правовых отношениях взаимно корреспондированы (т.е. правам государства противостоит обязанность граждан, а правам граждан – обязанности государства), диалектически взаимосвязаны, противостоят друг другу и существуют в единстве.

Правам и обязанностям уголовно ответственных лиц корреспондируют права и обязанности государства в лице правоохранительных органов: обязанность применять меры уголовной ответственности и наказания к лицам, нарушившим уголовно-правовые нормы. На основании этого можно отметить, что при помощи регулятивного уголовно-правового отношения достигаются цели уголовного законодательства (общее и индивидуальное предупреждение преступлений).

Регулятивное уголовно-правовое отношение тесно переплетено, связано с позитивной уголовной ответственностью, которая представляет собой содержание регулятивных уголовно-правовых отношений по соблюдению уголовно-правовых запретов, выполнению нормативных обязанностей либо конкретных правовых связей по использованию установленных в уголовном законодательстве правомочий. Она воплощается в уголовно-правомерном поведении физических, вменяемых, достигших возраста уголовной ответственности лиц [8, с. 110–111].

Однако, по нашему мнению, регулятивное уголовное правоотношение не тождественно позитивной уголовной ответственности. Регулятивное уголовно-правовое отношение первично, в то время как позитивная ответственность наступает лишь на определенной стадии ее существования и развития. Рассматриваемое правоотношение возникает с момента вступления уголовно-правовой нормы в действие и выступает как особая юридическая связь взаимных прав и обязанностей, которая распространяется на всех правосубъектных лиц независимо от их поведения.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

- 1) регулятивное уголовно-правовое отношение представляет собой реальные правовые связи, а также фактическое уголовно-правомерное поведение субъектов – государства и уголовно ответственных лиц (физических, вменяемых, достигших возраста уголовной ответственности) – по реализации ими уголовно-правовых запретов, обязанностей, правомочий;
- 2) моментом начала данного вида правоотношений следует считать не только издание нормы уголовного права (уголовного закона), но и реальное, фактическое поведение уголовно ответственных лиц;
- 3) содержанием регулятивных уголовно-правовых отношений выступают право (и обязанность) требования уголовно-правомерного поведения (со стороны государства) и обязанность (со стороны личности) воздержаться от совершения деяний, содержащих признаки состава преступления, использование прав на совершение правомерных поступков, исключающих преступность деяния и освобождающих от уголовной ответственности, а также фактическая реализация прав и обязанностей соответствующих субъектов;
- 4) регулятивное уголовно-правовое отношение тесно взаимосвязано с позитивной уголовной ответственностью, которая является содержанием данных правоотношений и воплощается в уголовно-правомерном поведении уголовно ответственных лиц.

Список литературы

1. Кропачев Н.М., Прохоров В.С., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Норма, правоотношение, ответственность: монография / науч. ред. Н.А. Беляев. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 208 с.
2. Кропачев Н.М. Уголовно-правовое регулирование: механизм и система: монография. – Санкт-Петербург: СПбГУ, 1999. – 262 с.
3. Кропачев Н.М., Прохоров В.С., Тарбагаев А.Н. Уголовная ответственность и применение санкции уголовно-правовой нормы // Гарантии прав личности и проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства: сб. науч. тр. – Ярославль: Изд-во Яросл. ун-та, 1989. – С. 51–57.
4. Беляев Н.А., Элькин П.С. Исследование правоотношений в уголовно-правовой теории и практике // Вестник Ленинградского университета. – 1968. – № 17. – С. 38–42.

5. Радько Т.Н. О роли запретов в правовом регулировании // Труды Высшей следственной школы МВД СССР. – Волгоград, 1969. – Вып. 1. – С. 95–96.
6. Грачёва Ю.В. Юридические предпосылки (условия) возникновения регулятивных уголовно-правовых отношений // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 2. – С. 10–15.
7. Липинский Д.А. Регулятивные правоотношения и позитивная юридическая ответственность // Право и государство: теория и практика. – 2010. – № 4. – С. 13–17.
8. Епифанов О.С. О позитивной уголовной ответственности и ее взаимосвязи с уголовно-правомерным поведением // Modern Science. – 2022. – № 1-1. – С. 105–111.

References

1. Kropachev N.M., Prohorov V.S., Tarbagaev A.N. Mekhanizm ugodovno-pravovogo regulirovaniya. Norma, pravootnoshenie, otvetstvennost': monografiya / nauch. red. N.A. Belyaev. – Krasnoyarsk: Izd-vo Krasnoyarsk. un-ta, 1989. – 208 s.
2. Kropachev N.M. Ugodovno-pravovoe regulirovanie: mekhanizm i sistema: monografiya. – Sankt-Peterburg: SPbGU, 1999. – 262 s.
3. Kropachev N.M., Prohorov V.S., Tarbagaev A.N. Ugodovnaya otvetstvennost' i primeneniye sankcii ugodovno-pravovoy normy // Garantii prav lichnosti i problemy primeneniya ugodovnogo i ugodovno-processual'nogo zakonodatel'stva: sb. nauch. tr. – Yaroslavl': Izd-vo Yarosl. un-ta, 1989. – S. 51–57.
4. Belyaev N.A., El'kind P.S. Issledovanie pravootnoshenij v ugodovno-pravovoy teorii i praktike // Vestnik Leningradskogo universiteta. – 1968. – № 17. – S. 38–42.
5. Rad'ko T.N. O roli zapretov v pravovom regulirovanii // Trudy Vysshej sledstvennoj shkoly MVD SSSR. – Volgograd, 1969. – Vyp. 1. – S. 95–96.
6. Grachyova Yu.V. Yuridicheskie predposylki (usloviya) vzniknoveniya regulyativnyh ugodovno-pravovyh otnoshenij // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2008. – № 2. – S. 10–15.
7. Lipinskij D.A. Regulyativnye pravootnosheniya i pozitivnaya yuridicheskaya otvetstvennost' // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2010. – № 4. – S. 13–17.
8. Epifanov O.S. O pozitivnoj ugodovnoj otvetstvennosti i ee vzaimosvyazi s ugodovno-pravomernym povedeniem // Modern Science. – 2022. – № 1-1. – S. 105–111.

УДК 343

РАССМОТРЕНИЕ В СУДЕБНОМ ПОРЯДКЕ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ, ВОЗБУЖДЕННЫХ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ: ТЕНДЕНЦИИ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Журавлев Валентин Михайлович¹,

канд. юрид. наук,

e-mail: Zhuravlev_ym@mail.ru,

Разоренова Виктория Романовна²,

e-mail: vikraz99@yandex.ru,

¹Всероссийский научно-исследовательский институт МВД России, г. Москва, Россия,

²Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Москва, Россия

Анализируются проблемы судопроизводства в отношении лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, по нескольким причинам, в частности: материнство и детство, семья находятся под особой защитой государства, что отражено в основном законе нашей страны, через призму актуальной в последние годы дискуссии по вопросу развития ювенальной юстиции и развития специализированных подходов к рассмотрению указанных категорий уголовных дел. Задачей работы являлся краткий обзор опыта осуществления производства по выбранной категории дел. Цель – осветить проблемы правовой природы рассмотрения анализируемой категории дел. Методологическую основу исследования составили формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также общенаучные методы познания. Делается вывод о том, что предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством механизм судебной защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего нуждается в совершенствовании, которое возможно путем умеренной рецепции положительного зарубежного опыта, например за счет более детального и точного толкования положений норм соответствующего процессуального кодекса.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, несовершеннолетнее лицо, ювенальная юстиция, судебное разбирательство, принцип гуманизма

JUDICIAL REVIEW OF CRIMINAL CASES INITIATED AGAINST MINORS: TRENDS, PROBLEMS AND WAYS TO SOLVE THEM

Zhuravlev V.M.¹,

Candidate of Legal Sciences,

e-mail: Zhuravlev_ym@mail.ru,

Razorenova V.R.²,

e-mail: vikraz99@yandex.ru,

¹All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Moscow, Russia,

²All-Russian State University of Justice, Moscow, Russia

This article analyzes the problems of legal proceedings against persons under the age of majority, for several reasons, in particular: motherhood and childhood, the family are under special protection of the state, which is reflected in the basic law of our country, through the prism of the discussion relevant in recent years on the development of juvenile justice, and the development of specialized approaches to consideration of the categories of criminal cases mentioned above. The research objective is a brief review of the experience of conducting proceedings in the selected category of cases. The purpose of the study is to highlight the problems of the legal nature of the case. The methodological basis of the research was: the formal legal method, the comparative legal method, as well as general scientific methods of cognition. The conducted analysis allows us to conclude that the mechanism of judicial protection of the rights and legitimate interests of minors envisaged in the criminal

procedure legislation needs to be improved, which is possible through moderate reception of positive foreign experience, for example, due to a more detailed and accurate interpretation of the provisions of the norms of the relevant procedural code.

Keywords: criminal proceedings, minors, juvenile justice, judicial proceedings, the principle of humanism

DOI 10.21777/2587-9472-2022-2-47-51

На протяжении всего периода развития уголовно-процессуального законодательства государства стремились обеспечить защиту интересов всех лиц, в том числе и несовершеннолетних. В международных актах в области прав и свобод человека производство по уголовным делам несовершеннолетних занимает определенное место. Так, Генеральная Ассамблея ООН приняла Минимальные стандартные правила, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, известные как Пекинские правила¹.

Если речь идет о тенденциях развития норм о рассмотрении уголовных дел, возбужденных в отношении несовершеннолетних, то следует отметить, что указанные нормы постепенно трансформировались за счет появления отдельных институтов уголовно-процессуального права. В данном контексте уместно вспомнить законодательное закрепление норм об обязательном участии защитника и законного представителя подсудимого в судебном процессе, возможности удаления несовершеннолетнего из зала судебного заседания и проведении закрытого слушания по некоторым категориям дел [1; 2].

В юридической литературе отмечается и другая точка зрения, согласно которой текущее состояние судебной защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего противоречит потребностям общества в целом и пониманию современного правопорядка [3]. Возможно, данное обстоятельство служит основной причиной (точкой отсчета) совершения несовершеннолетними лицами колоссально-го количества преступлений, в том числе и в нашей стране.

Если обратиться к статистическим показателям, то согласно официальным данным, приведенным Федеральной службой государственной статистики, в 2018–2020 гг. с непосредственным участием несовершеннолетних зафиксировано следующее количество преступлений: в 2018 г. – чуть больше 96 тыс.; в 2019 г. – 99 тыс.; в 2020 г. – 90 тыс., т.е. меньше на 10 %². Следовательно, лицами, не достигшими совершеннолетия, совершается значительное количество преступлений. Однако, несмотря на этот факт, несовершеннолетние продолжают нуждаться в специальной защите, т.к. они в силу объективных причин, одной из которых является возраст, обладают особыми психофизическими и социальными качествами.

Актуальность темы настоящего исследования обусловлена определенными обстоятельствами.

Во-первых, необходимо повышенное внимание к проблемам детства и защиты прав детей. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 38 Конституции РФ³ материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Российская Федерация является участницей ряда международных актов, которые предусматривают особые правила для несовершеннолетних правонарушителей. Данное обстоятельство свидетельствует о необходимости проведения уголовно-правовой политики, отвечающей международным стандартам и обязательствам, которые взяло на себя наше государство.

Во-вторых, в последние годы активно обсуждаются вопросы, касающиеся развития института ювенальной юстиции в России, с возможностью создания отдельных судебных звеньев. Учитывая, что единая позиция относительно необходимости создания специальных органов, занимающихся производством по уголовным делам в отношении несовершеннолетних, не достигнута, можно сделать следующий вывод: затронутая проблематика с каждым годом приобретает все более дискуссионный характер.

В-третьих, в последнее десятилетие в юридической литературе широко обсуждается если не кардинальное изменение в судостроительстве, то хотя бы создание специализированных подходов к рас-

¹ Международные нормы и правоприменительная практика в области прав и свобод человека: пособие для российских судей / Л.Б. Алексеева, С.В. Сироткин. – Москва: Изд-во Рос. правовой акад. МЮ РФ, 1993. – 176 с.

² Федеральная служба государственной статистики: [сайт]. – URL: <http://www.rosstat.gov.ru> (дата обращения: 28.03.2022). – Текст: электронный.

³ Конституция Российской Федерации: [принята всенар. голос. 12 декабря 1993 г. с изм., одобр. в ходе общерос. голос. 1 июля 2020 г.]. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст: электронный.

смотрению уголовных дел в отношении такой группы лиц, как несовершеннолетние [4, с. 168], которые напрямую коррелируются, с одной стороны, с принципом гуманизма, закрепленным ст. 7 Уголовного кодекса Российской Федерации⁴ (далее – УК РФ), а с другой – с идеей, согласно которой судебное разбирательство по уголовным делам, возбужденным в отношении несовершеннолетних, должно быть в первую очередь направлено на исправление и воспитание правонарушителя.

Судопроизводство в отношении несовершеннолетних обладает специальными целями, что, по обоснованному мнению И.В. Гречаной, обусловлено возрастной незащищенностью несовершеннолетних, под которой понимаются «особые психофизические и социально-психологические качества личности несовершеннолетнего подсудимого, связанные с недостатком знаний, жизненного опыта, несформировавшейся психикой и системой ценностей» [5, с. 12]. При этом к специальным целям уголовно-процессуальных норм, направленных на регулирование вопросов, которые касаются рассмотрения уголовных дел, возбужденных в отношении несовершеннолетних, в судебном порядке автор относит:

– максимальную индивидуализацию процесса, обеспечивающего соразмерность мер воздействия на несовершеннолетнего содеянному;

– превенцию;

– ресоциализацию несовершеннолетнего [6, с. 10].

В результате можно констатировать, что одной из ключевых проблем отечественного правопорядка является неразвитый характер института ювенальной юстиции, цель которого «состоит в том, чтобы обеспечить максимально щадящую неформальную процедуру судебного разбирательства, учитывающую индивидуальные и возрастные особенности психики несовершеннолетних, а также реализовать гибкую систему уголовно-правовых мер воздействия, преимущественно не связанных с лишением свободы» [7].

Для решения указанной проблемы российский законодатель может обратиться к зарубежному опыту, т.к., на наш взгляд, остается актуальным тезис К. Маркса о том, что «всякая нация может и должна учиться у других» [8, с. 7], особенно в свете продолжающейся глобализации, когда границы начинают стираться. Близкую позицию занимает В.Д. Зорькин, утверждая, что не зазорно заимствовать чужой опыт, выдержавший проверку временем. При этом необходимо учитывать обоснованное замечание В.В. Момотова о том, что жизнь любого правопорядка, как и жизнь каждого человека, уникальна. Рецепция уместна только с учетом особенностей отечественной модели правосудия [Цит. по: 9, с. 78].

Например, в североамериканской модели привлечения к уголовной ответственности лиц, не достигших совершеннолетнего возраста, существует такой достаточно эффективный механизм, как конкурирующая юрисдикция обычных судов и специализированных ювенальных судов, а в Канаде некоторые задачи, касающиеся осуществления рассмотрения дел с обвинением в адрес несовершеннолетних, выполняют не суды, а специально созданные консультативные группы общественных комитетов правосудия для молодежи [10, с. 60].

Не менее интересным является правовое регулирование ювенальной юстиции в Италии, где не только созданы организационно обособленные судебные звенья, но и в состав специализированного ювенального суда входят судьи, к которым предъявляются дополнительные требования с учетом специфики рассматриваемых категорий дел, а именно: они должны быть высококвалифицированными специалистами в области психологии или психиатрии, криминологии, педагогики, социальных наук [11, с. 59].

Следует отметить, что в Российской Федерации есть определенные продвижения по данному вопросу в сторону специализации, в частности введена специализация судей по рассмотрению уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних, однако это предусмотрено не во всех регионах⁵. Кроме того, даже Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» отмечено, что с целью обеспечения справедливого и гуманного судебного разбирательства по делам в отношении несовершеннолетних лиц необходимо

⁴ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.

⁵ Справка по результатам обобщения информации судов субъектов РФ об использовании ювенальных технологий судами общей юрисдикции (начало) (редакционный материал). – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 17.02.2022). – Текст: электронный.

«постоянно совершенствовать профессиональную квалификацию судей, рассматривающих дела о преступлениях несовершеннолетних, повышать их личную ответственность за выполнение требований законности, обоснованности, справедливости и мотивированности судебного решения»⁶.

Если обратиться к критической оценке целесообразности создания самостоятельных судебных звеньев для разрешения обозначенной проблемы, то такой объем потенциальных уголовных дел не представляется существенным критерием для продолжения движения в данном направлении. Вместе с тем наличие определенной специфики при рассмотрении дел по обвинению несовершеннолетних не вызывает настолько острую дискуссию. Таким образом, развитие в некоторых судебных звеньях такой практики, как специализация отдельных судей, представляется определенным сомоновым решением. Более того, ввиду того что такая практика уже частично внедрена, следует рассматривать ее как так называемый «пилотный проект», а в настоящий момент целесообразно переходить к следующему этапу такого проекта – подведению промежуточных итогов с целью установления, с практической точки зрения, сформулированной «в поле», целесообразности имплементации данного опыта на повсеместной основе либо необходимости его дальнейшей теоретической проработки.

Помимо изложенного на практике возникают существенные проблемы при доказывании обстоятельств, перечисленных в ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ)⁷. При производстве предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о преступлении, совершенном несовершеннолетним, наряду с доказыванием обстоятельств, указанных в ст. 73 УПК РФ, устанавливаются еще обстоятельства в соответствии со ст. 421 УПК РФ. Так, следует согласиться с С.И. Морозовой, согласно которой одним из существенных недостатков отечественного законодательства является то, что оно не определяет, какие именно условия жизни и воспитания подсудимого подлежат обязательному установлению в судебном порядке [12, с. 121]. В итоге не все обстоятельства берутся судом во внимание, что автоматически умаляет идею об индивидуализации каждого судебного процесса с участием подсудимого, не достигшего совершеннолетия, и, наоборот, приводит к разнонаправленной позиции судов по данному вопросу.

В отечественной доктрине широко обсуждается необоснованный запрет на применение относительно нового механизма привлечения к ответственности, которым являются нормы об особом порядке судебного разбирательства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних. Безусловно, норма ст. 420 УПК РФ лишает правоприменителей возможности применения такого механизма, как заключение досудебного соглашения о сотрудничестве с обвиняемым. Однако подход законодателя представляется логичным и обоснованным, т.к. постановление приговора без проведения судебного разбирательства может противоречить интересам несовершеннолетнего обвиняемого, поскольку суд в таком случае лишился бы возможности учесть все его психофизические и социальные качества, что крайне важно при выборе меры наказания по каждому конкретному делу.

Таким образом, предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством механизм судебной защиты прав и законных интересов несовершеннолетнего нуждается в дальнейшем совершенствовании, которое возможно благодаря умеренной рецепции, в том числе и опыта зарубежных стран.

Интеграция лучших зарубежных практик с российскими наработками, эталонными для внедрения, приведет к постепенному самовыравниванию и выработке единых подходов правоприменения для участников процесса, а также этому будет способствовать более детальное и точное толкование положений УПК РФ, в том числе ст. 73 УПК РФ, по несовершеннолетним в совокупности с положениями ст. 421 УПК РФ и норм о соотношении уголовного производства по делам с участием несовершеннолетних и уголовного производства в особом порядке.

Список литературы

1. Давыденко А.В. Перспектива введения в Российской Федерации института ювенальной юстиции // Законодательство и экономика. – 2015. – № 10. – С. 64–68.

⁶ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации: [от 1 февраля 2011 г. № 1] // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – № 4.

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52 (ч. 1). – Ст. 4921.

2. *Ивлева А.В., Куртуков Р.С.* Доктринальные и практические проблемы обеспечения права несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого на защиту в уголовном процессе России // *Российский судья*. – 2019. – № 5. – С. 38–41.
3. *Жукова Н.А., Столбина Л.В.* Рассмотрение уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних в особом порядке // *Вестник Белгородского юридического института МВД России*. – 2007. – № 1. – С. 59–61.
4. *Молоткова Ю.А.* Обоснование специализированного подхода суда к рассмотрению уголовных дел в отношении несовершеннолетних // *Интеллектуальный потенциал XXI в.: ступени познания*. – 2014. – № 24. – С. 166–172.
5. *Гречаная И.В.* Судебное разбирательство в отношении несовершеннолетних: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Москва, 2014. – 231 с.
6. *Гречаная И.В.* Судебное разбирательство в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. – Москва, 2018. – 32 с.
7. *Ведерникова О.* Ювенальная юстиция: исторический опыт и перспективы // *Российская юстиция*. – 2000. – № 7. – С. 51–52.
8. *Маркс К.* Капитал: в 3 т. – Москва: Гос. изд-во полит. лит., 1952. – Т. 1. – 797 с.
9. *Слабоспицкий А.С.* Судебная система Сингапура (опыт работы в пандемию 2020 г.) // *Вестник Казахского национального университета. Серия «Юридическая»*. – 2021. – Т. 97, № 1. – С. 78–86.
10. *Беженцев А.А.* Ювенальная юстиция: зарубежный опыт и перспективы его использования в России // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. – 2018. – № 1. – С. 58–64.
11. *Кузьмина В.М.* Становление ювенальной юстиции в России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Юридические науки»*. – 2011. – № 2. – С. 57–68.
12. *Морозова С.И.* Проблемы судопроизводства по преступлениям несовершеннолетних // *Молодой ученый*. – 2017. – № 41. – С. 120–122.

References

1. *Davydenko A.V.* Perspektiva vvedeniya v Rossijskoj Federacii instituta yuvenal'noj yusticii // *Zakonodatel'stvo i ekonomika*. – 2015. – № 10. – С. 64–68.
2. *Ivleva A.V., Kurtukov R.S.* Doktrinal'nye i prakticheskie problemy obespecheniya prava nesovershennoletnego podozrevaemogo, obvinyaemogo na zashchitu v ugolovnom processe Rossii // *Rossijskij sud'ya*. – 2019. – № 5. – С. 38–41.
3. *Zhukova N.A., Stolbina L.V.* Rassmotrenie ugolovnyh del o prestupleniyah nesovershennoletnih v osobom poryadke // *Vestnik Belgorodskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. – 2007. – № 1. – С. 59–61.
4. *Molotkova Yu.A.* Obosnovanie specializirovannogo podhoda suda k rassmotreniyu ugolovnyh del v otnoshenii nesovershennoletnih // *Intellektual'nyj potencial XXI v.: stupeni poznaniya*. – 2014. – № 24. – С. 166–172.
5. *Grechanaya I.V.* Sudebnoe razbiratel'stvo v otnoshenii nesovershennoletnih: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. – Moskva, 2014. – 231 s.
6. *Grechanaya I.V.* Sudebnoe razbiratel'stvo v otnoshenii nesovershennoletnih: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09. – Moskva, 2018. – 32 s.
7. *Vedernikova O.* Yuvenal'naya yusticiya: istoricheskij opyt i perspektivy // *Rossijskaya yusticiya*. – 2000. – № 7. – С. 51–52.
8. *Marks K.* Kapital: v 3 t. – Moskva: Gos. izd-vo polit. lit., 1952. – Т. 1. – 797 s.
9. *Slabospickij A.S.* Sudebnaya sistema Singapura (opyt raboty v pandemiyu 2020 g.) // *Vestnik Kazahskogo nacional'nogo universiteta. Seriya "Yuridicheskaya"*. – 2021. – Т. 97, № 1. – С. 78–86.
10. *Bezhencev A.A.* Yuvenal'naya yusticiya: zarubezhnyj opyt i perspektivy ego ispol'zovaniya v Rossii // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. – 2018. – № 1. – С. 58–64.
11. *Kuz'mina V.M.* Stanovlenie yuvenal'noj yusticii v Rossii // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya "Yuridicheskie nauki"*. – 2011. – № 2. – С. 57–68.
12. *Morozova S.I.* Problemy sudoproizvodstva po prestupleniyam nesovershennoletnih // *Molodoj uchenyj*. – 2017. – № 41. – С. 120–122.

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 2 (32)' 2022

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор

Голованова Е.В.

Компьютерная верстка

Савеличев М.Ю.

Переводчик

Грибов В.В.

Электронное издание.

Подписано в тираж 14.07.2022.

Печ. л. 6,5. Усл.-печ. л. 6,05. Уч.-изд. л. 4,56.

Объем 1,48 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 22-0051.

Отпечатано в ООО «Минэлла Трейд»,

115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 9, корп. 2, пом. 5, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов

ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,

115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,

тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.